

САМОЕ

ГЛАВНОЕ

Коллективный сборник

САМОЕ ГЛАВНОЕ

Для детей дошкольного возраста

Редактор-составитель Л. Л. Шаматонова

Художественный редактор Ю. А. Пичугин

Художник А. А. Ивасенко

Технический редактор Т. Н. Яковлева

Корректор Л. И. Колесова

ИБ № 790

Сдано в набор 12.03.85. Подписано в печать 18.09.85. Формат 60×90/16. Бумага офсетная № 1. Гарнитура таймс. Печать офсетная. Усл. кр.-отт. 18,0. Усл. п. л. 4,5. Уч.-изд. л. 3,78. Тираж 300 000 (1—150 000) экз. Заказ 317. Цена 30 коп.

Верхне-Волжское книжное издательство Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 150000, г. Ярославль, ул. Трехфолева, 12.

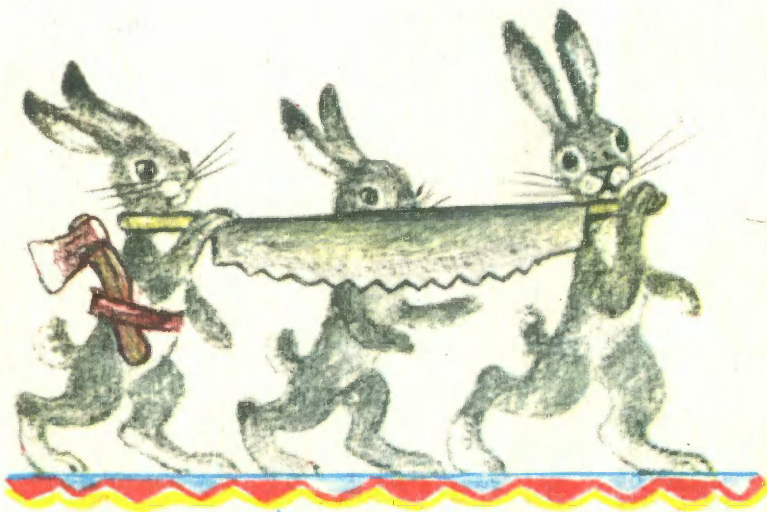
Ярославский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 150014, Ярославль, ул. Свободы, 97.

САМОЕ ГЛАВНОЕ

СТИХИ,
РАССКАЗЫ, СКАЗКИ,
ПОСЛОВИЦЫ

ЯРОСЛАВЛЬ
ВЕРХНЕ-ВОЛЖСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1985

P2
C17

Рецензент Ю. А. Ефремов, член СП СССР

C17 **Самое главное: Стихи, рассказы, сказки, пословицы. — Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд., 1985. — 70 с.**
30 к.

Эта книга стихов, рассказов, сказок и пословиц адресована самым юным читателям -- дошкольникам. Авторы ее — известные советские поэты и писатели Верхневолжья — помогут ребятам понять и почувствовать красоту труда человека, его добрых дел и поступков, приносящих людям пользу и радость.

C 4803010102—010
C139—(03)—85 44—85

P2

© Верхне-Волжское книжное издательство, 1985, составление, иллюстрации

УМЕЛЫЕ РУКИ- НЕ ЗНАЮТ СКУКИ

СТИХИ

КНИЖКИ ПОД ДОЖДЁМ

Шумит над лагерем гроза,
Гремит июльский гром.
Вдруг, без плаща, без картуза,
Вбегают мальчик в дом.

С него вода течёт рекой...
Откуда он? Кто он такой?

— Постойте, дело не во мне! —
Кричит этот чудак. —
Промокли книжки на спине!
Спасайте мой рюкзак!
Промокли сказки, том второй,
«Кот в сапогах» совсем сырой!

— Чудак, с тебя течёт вода!
Ты объясни нам, кто ты? —
А он твердит: — «Беда! Беда!
Сырые переплёт!»

Я из колхоза «Большевик»,
Меня зовут Алёша.
В овраге дождь меня настиг,
А я же книгоноша. —

Он трёт промокший переплёт,
Он дышит на обложку.
— Я пережду. Гроза пройдёт —
И снова в путь-дорожку ».

Теперь почтительно, на «вы»,
С ним говорят ребята:
— Вы мокрый с ног до головы,
Зачем спешить куда-то? —

Девчонки, несколько подруг,
Приносят доску и утюг.
— Сейчас мы всё уладим:
Обложки мы пригладим.

Промокли сказки, том второй,
«Кот в сапогах» совсем сырой,
Как будто был под душем,
Но мы его просушим!

И вам рубашку заодно
Сейчас прогладит Варя.
— Да я просох давным-давно, —
Их уверяет парень.

В одну минуту на своём
Девчонки настояли —
Сидит Алёша за столом
И сохнет в одеяле.

Но вот проглажен переплёт,
За ним другой и третий,
А летний дождь уже не льёт,
И в окна солнце светит.

Повеселело всё кругом,
И высох «кот» под утюгом.

Надев рубашку и рюкзак,
Сказал Алёша: — Значит, так:
Спасибо за заботы! —
А все в ответ: — Ну что ты! —

Кричат девчонки: — Добрый путь! —

Смеётся он: — Привет пока!
Приду, когда промокну! —
И, провожая паренька,
Весь лагерь смотрит в окна.

РУКОДЕЛЬНИЦА

Села красна девица
Отдохнуть под деревце.
Посидела в детском парке
В уголке тенистом, —
Сшила кукле-санитарке
Фартук из батиста.

Ай да красна девица!
Что за рукодельница!

Сразу видно — молодчина!
Не сидит без толку:
Двух мальчишек научила,
Как держать иголку.

Ай да красна девица!
Что за рукодельница!

Учит всех шитью и кройке,
Никому не ставит двойки.

ПРИХОДИТЕ МНЕ ПОМОЧЬ

Уважаемые дети,
Говорят, что среди вас
Появился странный мальчик.
По прозванию «Напоказ».

Смастерил он табуретку,
Сбил её он кое-как,
Но зато раскрасил в клетку,
Но зато сверкает лак.

На неё нельзя садиться,
Но мальчишка так сказал:
— Напоказ она годится,
Где тут выставочный зал?

Уважаемые дети,
Говорят, что среди вас
Появился странный мальчик
По прозванию «Напоказ».

Он сестрёнке — при гостях —
Нёс конфеты в двух горстях,
А потом — без посторонних —
Пригрозил: — Попробуй тронь их!

А соседского кота
Приласкал он неспроста:
— У соседа есть «Победа»,
Покатал бы до обеда!

Уважаемые дети,
Надо гнать мальчишку прочь,
Если я одна не справлюсь,
Приходите мне помочь!

Елена БЛАГИНИНА

НЕ МЕШАЙТЕ МНЕ ТРУДИТЬСЯ

Не мешайте мне трудиться!
Я водицы притащу
И колодезной водицей
Всех, конечно, угощу.

Пейте,
Пейте,
Не жалейте!
А хотите
В лейку
Лейте, —
Поливайте огород —
Он ведь тоже воду пьёт!

Я ДОМА НЕ ЛЮБЛЮ СИДЕТЬ

Я дома не люблю сидеть,
Мне нравится ходить.
Люблю ходить, люблю глядеть,
Друзей с собой водить.

Люблю глядеть на облака,
На солнечный восход,
На то, как гулкая река
Разламывает лёд.

На то, как мастерит столяр
Стол, стул иль табурет
И красит комнаты маляр
В любой весёлый цвет.

Как дворник убирает двор —
Сгребаёт в кучу снег,
И как танцует полотёр —
Весёлый человек.

Как в бурю, в зной или в мороз,
Под ветра острый свист,
Ведёт тяжёлый паровоз
Бесстрашный машинист.

Я дома не люблю сидеть,
Нет, не люблю сидеть,
Мне нравится на мир глядеть,
На солнечный глядеть!

СНЕГУРКА

Я вылепил Снегурку,
Поставил на виду
Снегурушку-девчурку
Под яблоней в саду.

Стоит моя царевна
Под круглым деревцом —
Царевна-королевна,
Пригожая лицом.

В парчовой душегрейке
Стоит светлей зари,
И крупные на шейке
Играют янтари.

Она мой сад оставит,
Лишь солнце припечёт:
Расплещется, растает,
С ручьями утечёт.

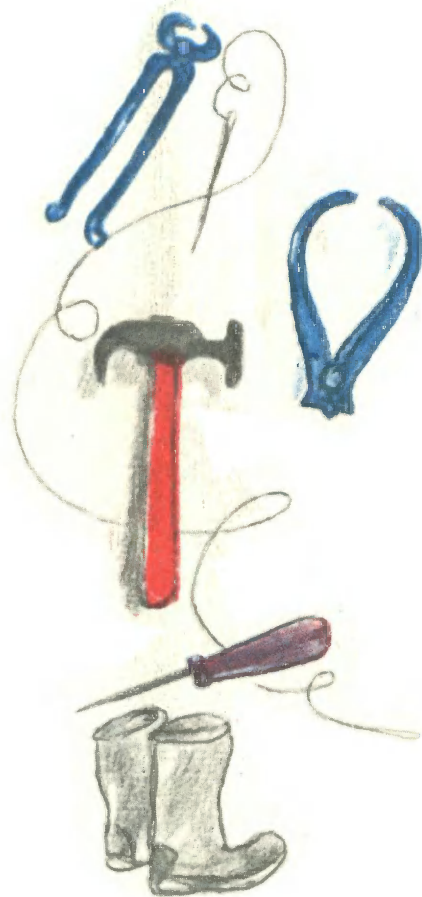
Но кликну — отзовётся
Снегурушка моя
То эхом из колодца,
То голосом ручья.

То лебедью, плывущей
В заоблачном пруду,
То яблоней, цветущей
В моём родном саду.

Юрий ЕФРЕМОВ

О ВЕЩАХ

Как много вокруг
Очень добрых вещей,
Которые честно нам служат.
Попробуйте
Вытащить
Гвоздь
Без клещей,
Без валенок
Вытерпеть стужу.
Без ложки обедать —
Задача трудна,
Без парт и доски —
Не ученье.
Иголка без нитки,
Кастрюля без дна —
Да это не жизнь,
А мученье!
Кто купленной вещи,
Скажите, не рад?
Но вещь —
Настоящее счастье,
Когда её сделаешь,
И говорят:
— А ты, брат,
Действительно
Мастер!

ВДОХНОВЕНЬЕ

Алёшка
В секрете от младшего брата
Построить решил
Заводной экскаватор.
И в комнату он
Из сарая принёс
Немало жестянок,
Шурупов, колёс...
От старых часов
Пригодились детали.
Соседи
Черпак металлический дали.
Когда всякой всячины
Вдоволь припас,
Он спрятал запасы
Себе под матрас.
Постель у конструктора
Стала неровной.
Увидела это Мария Петровна:
— Представьте,
Завал, беспорядок, хаос!
Другого местечка
Под склад не нашлось!
Ругать бы Алёшку,
Но вот в чём сомненье:
А вдруг
У него пропадёт
Вдохновение?

В ВЕЖЛИВОЙ ФОРМЕ

Бабушка
Вверх по ступенькам
Шагает,
Справа — корзинка,

А слева — другая.
Прямо навстречу
По лестнице вниз
Весело

Прыгает
Школьник Борис.
— Бабушка, здравствуйте, —
Молвил парнишка, —
Вы утомились, наверное,
Слишком?
Будьте здоровы!
Спешу на футбол. —

Он улыбнулся
И мимо прошёл.
Бабушка жалобно
Смотрит на внука:
В вежливой форме
Растёт
Белоручка.

Алексей ШЛЫГИН

ВАЖНЫЙ ПАКЕТ

Я скачу
Мимо грядки с укропом,
Я скачу
Очень крупным галопом.

Я могу
Поделиться секретом,

Что спешу
С очень важным пакетом.

Я вручаю пакет
В руки маме.
Этот важный пакет —
С семенами.

ПРО МИШКУ, КОТОРЫЙ ЗАБЫЛ СКАЗАТЬ СПАСИБО

Михаил спускался к броду,
Нёс дубовую колоду,
Рассуждая на ходу:
«Принесу домой колоду,
Бочку сделаю для мёду
И поставлю на виду...
Чтоб соседи заходили
И, качая головой,
Про меня бы говорили:
«Вот какой мастеровой!»

Перешёл он речку вброд,
Сел на пенёк
Да как чихнёт!

— Будь здоров! — услышал Мишка.
И с сосны упала шишка...

По пригоркам, по оврагам,
По пенькам и по корягам,
Вытирая лапой пот,
Мишка час и два идёт.

Дом Топтыгина не близко.
Вот уже и солнце низко.
Перевёл Топтыгин дух,
Скинул кладь и вспомнил вдруг,
Что забыл сказать спасибо
Рыжей белке.
«Вот те на!
Получилось некрасиво...
Что подумает она?!
Это где же, это где же
Есть ещё такой невежа!...»

На плечо взвалив колоду,
Повернул Топтыгин к броду.

По пригоркам, по оврагам,
По пенькам и по корягам,
Вытирая лапой пот,
Мишка час и два идёт.

Тьма густеет. Тишина.
Вот и берег, и сосна.
Вот и белка средь ветвей.
Михаил с поклоном к ней —
Говорит, едва дыша:
— Ты прости меня, душа,
Я забыл сказать спасибо
За хорошие слова.
Получилось некрасиво...

И сказал он ей спасибо —
Не одно, а целых два!

И в ответ медведь услышал:
— На здоровье, дядя Миша!
Сел Топтыгин на корягу,
С облегчением вздохнул...
Так умаялся бедняга,
Что, как сел, так и уснул.

Николай ВОРОНИН

БУДУЩАЯ ДОЯРКА

Я коровушку люблю,
Травкой-клевером кормлю.
К ней с подойником пришла
И доить уж начала...
— Му-у-у! — бурёнушка сказала.
Это значит: подожди! —
У тебя силёнок мало,
Подрастёшь — и приходи!
Пусть доит покуда мать.
А тебя я буду ждать.

МЫ НА СЕНОКОСЕ

Вкусно пахнет на лугу!
Надышаться не могу!
Каждый день в луга спешим,
Сено сушим, ворошим.
А купаться захотим —
Кувырком в реку летим!
Долго держит нас вода,
Если жарко, — вот беда!..
А родители сказали:
— Без детей бы мы пропали!
Надо главное учесть:
Помогают кашу есть.
Значит, скоро вместе с нами
Им работать косарями!

УЧУСЬ У БРАТА

Старший брат мой — инженер,
Дома делал шифоньер.
Лаком он его покрыл,
Мне с улыбкой говорил:
— Словно в зеркало с тобой
Мы глядим, помощник мой!..
Папа нам сказал вчера:
— Вы, ребята, мастера!
Вещь как будто бы проста,
А какая красота!..
Я ответил:
— Подрасту — буду делать красоту!

Игорь МАРТЬЯНОВ

ЧЕЙ ПАПА САМЫЙ СИЛЬНЫЙ?

Чей папа самый сильный? —
Заспорили ребята.
— Мой папа мастер спорта! —
Сказала гордо Ната.

— А мой — кузнец колхозный, —
Решил похвастать Вова, —
Ударит по железу —
И согнута подкова!

— Мой папа — детский доктор, —
Сказал ребятам Гога, —
И победить сумел он
Болезней много-много!

— Нет, папа мой сильнее, —
Раздался голос Ани, —
Сто тонн он поднимает,
Работая на кране!

Подскажем мы ребятам:
— Тут спорить не годится,
Вы папами своими
Все можете гордиться!

МОЙ ДЕД

Дед мой был артиллеристом,
Сильным, смелым был.
Он из пушки по фашистам
Очень метко бил.
Орден Славы деду дали,
А медалей — шесть.
И за мирный труд медали,
Тоже, видел, есть.
Много лет уж нынче деду,
Стал и стар, и сед,
Но добыл он нам Победу.
Вот какой мой дед!

Виталий КОДРЯН

НА РЕЧКУ

По узенькой тропинке
Несём бельё в корзинке
Мы с мамой и братишкой
На речку полоскать.
Мы догадались сами
Помочь сегодня маме —
Она и так устала
Готовить и стирать.
Скрипит в руках корзинка,
Хрустит в лесу тропинка,
Трещат седые сосны —
Нам весело шагать!

УТРО

Я проснулась рано-рано,
Встала, вышла на крыльцо
И, как папа, из-под крана
С мылом вымыла лицо.

Щёткой вычистила зубки,
Всё на место прибрала
И в расшитой новой юбке
С куклой завтракать пошла.

Съела кашу и котлеты
И, как мама, со стола
В целлофановый пакетик
Крошки хлебные смела.

Завтра буду я в лесу,
Крошки птичкам отнесу!

МОЛОТОК И ПИЛА

Молодец молоток!
Прыг да скок,
Прыг да скок!
Молодец и пила:
То жужжит, как пчела,
То гудит, то поёт —
Соням спать не даёт!

ПЛАКСА

Лишь глаза она откроет —
И заноеет, и заноеет:
— Не хочу вставать с постели —
Мне чулки не так надели!

Приведут за стол её —
Снова слышится нытьё:
— Не хочу я вашей каши!
Не хочу я простокваши.

А когда гулять пойдёт —
Удивляется народ,
Потому что то и дело
Привередница ревёт:

— Не хочу, чтоб птицы пели
И жужжала стрекоза!
Не хочу я на качели —
Солнце светит мне в глаза!

Что ж, проучим мы немного
Эту плаксу-недотрогу:
Отведем её к врачу
Полечить от «не хочу».

Алексей ЧАСОВ

* * *

Помогаю,
Помогаю
Маме я в уборке,
Я квартиру подметаю,
Протираю полки.

Даже мама удивилась
И за голову схватилась:
«Ты же весь в пыли, сынок!»
Вот как здорово помог!

УЧИТЕЛЬНИЦА

Я — учительница Рита.
Вот мои ученики:
Ёжик маленький Никита
И кудрявые щенки:
Две болонки —
Джуля, Юта,
Кошка рыжая Марфута.

Я ведь с ними не шучу —
Я их грамоте учу!

...А когда дала звонок
И пришла я на урок —
Никого на месте нету...
Изорвали все газеты,
Опрокинули чернила,

Юта лапой наследила,
Смяли папину рубаху
И попрятались со страху
Кто за ящик,
Кто под стул.
Кошка —
В дедушкин баул...

Не хотят никак учиться —
Им бы только веселиться.
Надо меры принимать —
Мам их в школу вызывать.

Я ведь с ними не шучу —
Я их грамоте учу...

Александр БАДАШКИН

ДО ВСТРЕЧИ, ЛЕТО

Лето сказало:
— Я очень устало,
Целое лето играло,
Скакало,
В речку ныряло,
Потом загорало,
Бабушке грядки полоть
Помогало,
Воду в сады на поливку
Носило,
Росными утрами
Травы косило,
И по грибы,
И по ягоды я
Часто ходило

Ни свет ни заря —
Ноги тащились домой
Еле-еле,
Жалили тело
Крапива и ели...
И отдохнуть бы теперь
Не мешало, —
Так нам уставшее
Лето сказало.

Мы приуныли, конечно,
Немножко.
Сели кружком...
И припомнили то, что
Целое лето: играли,

Скакали,
В речку ныряли,
Потом загорали,
Бабушке грядки полоть
Помогали,
Воду в сады на поливку
Носили,
Росными утрами
Травы косили,
И по грибы,
И по ягоды тоже

Часто ходили
Чуть свет на порожек —
Ноги тащились домой
Еле-еле,
Жалили тело
Крапива и ели...
Но — удивительно:
Лето устало,
К нам же усталость
Ничуть не пристала.

Павел ГОЛОСОВ

НА ЛЕСОСЕКЕ

Прошлась пила.
Поперёк ствола,
Наземь дерево свалила,
К небу снег взвила.

Ты гори, костёр,
Вплоть до вечера,
Чтобы стужа лесорубам
Не перечила!

Подскочил топор,
На расправу скор,
Все сучки пообрубал он,
Побросал в костёр.

Завивай, костёр,
Дым над ёлками!
Выйдут из лесу дома
Со светёлками.

Вячеслав ШАПОШНИКОВ

О ЛУННЫХ МОРЯХ

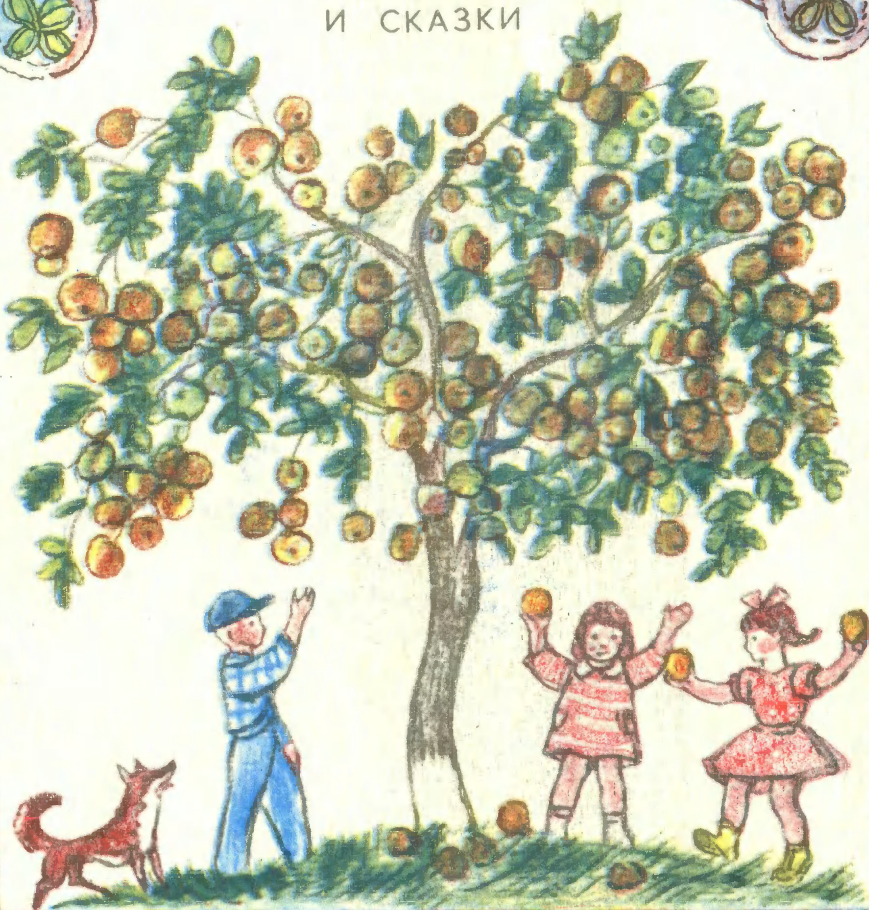
Ты слышал о круглых морях на Луне?..
Не слышал?! Послушай: на каменном дне,
на каменном дне
этих странных морей
ни капли воды
не отыщешь, ей-ей!
Не вынырнет там
из глубин кашалот,

лишь серая скука
от пыли чихнёт...
Ты скажешь, что эти сухие моря
Назвали морями, пожалуй что, зря?..
Но в ясные ночи
у нас, на Земле,
свет лунный бормочет,
плутая во мгле.
Он тихо вздыхает:
«Куда же, куда
с Луны ты ушла,
голубая вода?!»
Куда? Ты не знаешь?.. Не знаю и я...
Но знают об этом земные моря!..
Живут океаны
печалью Луны:
отливы их странны,
приливы — шумны.
В дыханье прибоя
в полуночный час
о тайне той старой
таится рассказ.
Ты слушать учись. Поскорее расти.
К большим чудесам разумеешь пути!

ДЕРЕВО ДОРОГО
ПЛОДАМИ,
А ЧЕЛОВЕК ДЕЛАМИ

РАССКАЗЫ
И СКАЗКИ

СЫНОВЬЯ

Рассказ

Две женщины брали воду из колодца. Подошла к ним третья. И старенький старичок на камушек отдохнуть присел.

Вот говорит одна женщина другой:

— Мой сынок ловок да силён, никто другой с ним не сладит.

— А мой поёт, как соловей. Ни у кого голоса такого нет, — говорит другая.

А третья молчит.

— Что же ты про своего сына ничего не скажешь? — спрашивают её соседки.

— Что ж сказать? — говорит женщина. — Ничего в нём особенного нету.

Вот набрали женщины полные вёдра и пошли. А старичок — за ними. Идут женщины, останавливаются. Болят руки, плещется вода, ломит спину.

Вдруг навстречу три мальчика выбегают.

Один через голову кувыркается, колесом ходит — лубуются им женщины.

Другой песню поёт, соловьём заливается — заслушались его женщины.

А третий к матери подбежал, взял у неё вёдра тяжёлые и потащил их.

Спрашивают женщины старичка:

— Ну что? Каковы наши сыновья?

— А где они? — отвечает старик. — Я только одного сына вижу.

ПЛОХО

Рассказ

Собака яростно лаяла, припадая на передние лапы. Прямо перед ней, прижавшись к забору, сидел маленький взъерошенный котёнок. Он широко раскрывал рот и жалобно мяукал. Неподалёку стояли два мальчика и ждали, что будет.

В окно выглянула женщина и поспешно выбежала на крыльцо. Она отогнала собаку и сердито крикнула мальчикам:

— Как вам не стыдно!

— А что стыдно? Мы ничего не делали! — удивились мальчики.

— Вот это и плохо! — гневно ответила женщина.

ХОРОШЕЕ

Рассказ

Проснулся Юрик утром. Посмотрел в окно. Солнце светит. Деньёк хороший.

И захотелось мальчику самому что-нибудь хорошее сделать.

Вот сидит он и думает:

«Что, если б моя сестрёнка тонула, а я бы её спас!»

А сестрёнка тут как тут:

— Погуляй со мной, Юра!

— Уходи, не мешай думать!
Обиделась сестрёнка, отошла. А Юра думает:
«Вот если б на няню волки напали, а я бы их застрелил!»
А няня тут как тут:
— Убери посуду, Юрочка.
— Убери сама — некогда мне!
Покачала головой няня. А Юра опять думает:
«Вот если б Трезорка в колодец угал, а я бы его вытащил!»
А Трезорка тут как тут. Хвостом виляет. «Дай мне попить, Юра!»
— Пошёл вон! Не мешай думать!
Закрыв Трезорка пасть, полез в кусты.
А Юра к маме пошёл:
— Что бы мне такое хорошее сделать?
Погладила мама Юру по голове:
— Погуляй с сестрёнкой, помоги няне посуду убрать, дай водички Трезору.

Николай БОГДАНОВ

ХИТРЫЙ ЛЕНТЯЙ

Рассказ

Каких только приключений не бывает с мальчишками! Вот с Петей что ни день, то какой-нибудь случай.

Мать подошла к калитке с большой вязанкой хвороста. Посмотрела на старую ветлу, на которой Петя устроил свой «летний дом». Мальчик лежал в гнезде из ветвей и досок и читал какую-то толстую книгу.

— Петя, открой!

Сын, не отрываясь от книги, не слезая с дерева, потянул какую-то верёвку, и калитка сама собою открылась. От удивления мать уронила вязанку.

— Это что такое?

— Ничего особенного — малая механизация...

Мать посмотрела на калитку, на щеколду, на бечёв-

ку, ведущую на дерево, на рычаги и вертушки и покачала головой:

— Ах, лентяй, что выдумал! Леню ему с дерева слезть да попросту открыть.

Петя молча закрыл тем же способом за матерью калитку и снова уткнулся в книгу.

Этакий хитрец мальчишка — от всякой работы изобретениями отделяется!

— Петя, вода есть для скотины? — спросила мать и заглянула в пустую колоду. — Где вода, я спрашиваю?!

Петя вздохнул и неохотно слез с ветлы:

— С водой вопрос ещё не решён.

— Вот вернётся домой отец, возьмёт прут, и вопрос будет решён!

Петя очень любил отца и побаивался его. Отец был человек справедливый, но строгий. В колхозе работал бригадиром, а сейчас поехал учиться на курсы механизаторов — машинами будет управлять.

— Отец бы за меня заступился, — сказал Петя. — Он сам хотел проводить водопровод.

— От вёдер хочешь отделаться?

— Не отделаться, а раци-о-нализировать.

— Хитрый лентяй, и слова-то все не простые, хитрые.

Петя подошёл к матери и, помогая ей уложить хворост, сказал:

— Не сердись, мама! Помнишь, как я в книжке вычитал и сделал так, что наши овцы сами бегут домой впереди всего стада?

Мать улыбнулась. Что верно, то верно. Такая глупая скотина эти овцы, никак не загонишь домой. А Петя сделал соляной раствор, пропитал им кусок земли во дворе, и теперь все овцы вперегонки скажут домой — полизать любимый солончак.

Другие ребята за своими овцами весь вечер гоняются, а Петя только посмеивается:

— У них не все дома... А у нас все!

Послала его мать по орехи. Ребята и девчата всей деревней пошли. Шум, гомон в лесу. Орехов уродилось много. Все ребята лазят по оврагам, орешины гнут, орехи рвут, в мешки кладут, а Петя ходит и по верхам смотрит.

— Эй, ты, чего дупла считаешь, Пентяй? Чего не работаешь, лентяй? — окликают его со всех сторон.

А он в ответ:

— Я головой работаю!

Все уже дома по завалинкам сидят, орехи шелушат, а он только из лесу идёт. Но тоже мешок тащит. И тяжёлый.

Высыпал орехи — мать даже диву далась: отборные, крупные, и шелушить не надо — готовенькие, один к одному.

— Где это взял такие? Как в магазине!

— Это белкины...

— Каких это Белкиных?

— Да никаких... Это я из дупла у белок достал.

— Ах ты озорник! Да разве для тебя зверёк по одному орешку собирал?

— Не сердись, мама... Я одежду берёг. Ведь орехи рвать — брюки драть!

— А ну-ка она зиму детей не прокормит?

Жалко станет Пете зверька, хочется обратно орехи отнести. Да, пожалуй, того дупла, из которого взял, не найдёшь.

— Ничего, прокормит. Пусть постарается еще набрать. Орехов урожай. Вот пчёлы поспевают и себя прокормить, и нас мёдом угостить. Пусть белки не ленятся, а с пчёл пример берут. Тогда мы сделаем для белок заповедники. Посадим везде орешники. Поделаем на деревьях ящики-кладовочки... Такие, чтобы донца открывались, как у почтовых ящиков. Потянешь — раз! — и все орехи тебе в сумку высыпались! И нам удобно, и белкам хорошо. Ведь в заповеднике мы их охраняем. Если бы собрать общее собрание белок, они бы согласились. С радостью. Правда, мама?

Ну как сердиться на такого мальчишку? Погладив его по вихрастой голове, мать скажет только:

— Ох, не от лени ли ты всё это придумываешь? Обманщик!

Вот и сейчас смотрит она на Петю с упрёком: воды в колоде ни капли, скотина придёт — поить нечем.

А таскать воду действительно Пете не хочется: и трудно и, главное, неинтересно. Однако он взял ведро и пошёл к ручью, протекавшему в овраге. Недочитанная

книжка, накрытая доской, чтобы ветер не переворачивал страниц, осталась в гнезде на ветле. Петя шёл и думал: как это устроить так, чтобы вода сама к ним во двор бежала? Ведь есть пословица: «Вода дорогу найдёт». В рассеянности он оступился на узкой доске и полетел кубарем прямо в ручей, загремев пустыми вёдрами, к немалому удовольствию ребятишек, которые ловили огольцов под камнями.

— Пентяй-лентяй свалился! — закричала детвора.

Петя посмотрел на них и сказал:

— А у меня рыба будет сама ловиться. Я придумал!

При этих словах ребята сразу умолкли: они знали Петино мастерство на выдумки.

— В нашем ручье рыбу ловить очень просто. Прямо руками брать можно. Вот я сейчас пойду вверх по ручью и устрою такое... Вся рыба будет моя!

У ребят от зависти глаза разгорелись.

— Петя, возьми нас!

Оставив вёдра тут же, у омута, Петя с толпой ребят отправился вверх по ручью. Дошли до самого леса, до родника, из которого вытекал ручей. И вместо того чтобы бежать в село, вода блуждала где-то по лесным оврагам.

— Вот здесь сделаем плотину. Тащи камни, ребята, давай хворост для плетня, — командовал Петя.

Все с жаром принялись за работу, забыв про все домашние дела и даже про обед. Возиться в ручье в жаркий летний день — огромное удовольствие.

Сначала сплели плетень и на кольях укрепили его в два ряда поперёк ручья. А потом между рядами стали закладывать камни и сыпать глину. Когда ниже плотины ручей почти иссяк, в обсохнувших омутках ребятам удалось наловить немало огольцов и пескарей.

— То ли ещё будет! — обещал Петя, уже думая о чём-то другом.

А в это время в деревне начался переполох. Хватились — нет нигде ребят! Петина мать нашла в ручье брошенные вёдра и подивилась: куда же девался сын? Не мог же он утонуть в омутке, где и воды-то всего на полметра! На всякий случай она прошла через омут. Ну конечно, опять какая-нибудь причуда! Набрала воды, пошла в гору, а навстречу все соседки.

— Опять твой лентяй что-то выдумал и наших за собой утащил!

Петя вернулся домой поздно. Чтобы умиловить мать, принёс ей в картузе пескарей. Но мать сердито выбросила их кошке. Кошка съела рыбёшек и стала тереться у ног Пети, умильно мурлыкая.

— Тоже мне друг! — проворчал Петя. — Опрокидываешь горшки с молоком, а мать на меня думает. Брысь!

И тут же подумал: «А почему бы вместо кошек не завести ужей? Мышей они тоже ловят, а не такие вороватые».

Вот кошка прыгнула на печку и задела ухваты. С грохотом полетели они на пол. И Петя опять подумал: «Зачем столько ухватов? Для каждого чугуна свой. Вот бы сделать у печки подвижный под... Это, конечно, очень сложно, но в будущем можно».

В избу вошла мать. Она стала шарить спички, ворча на Петю.

«И зачем люди зря слова тратят? — подумал Петя. — Вот сделать бы такие надписи со светящимися буквами. Мать нажала кнопку, и на стене зажглось бы: «Я сержусь». А я в ответ нажал бы другую кнопку, и на стене появилось бы: «Прошу прощения». Эта мысль так понравилась Пете, что он улыбнулся.

— Смеёшься? — удивилась мать. — Ах, бесстыжие твои глаза! Над всем смеёшься, всех обманываешь! Вот посидишь у меня не евши, умник!

И Петя остался без ужина.

Правда, к таким неожиданным ответам на его фантазии он уже привык, и даже на всякий случай в его гнезде имелись сухари, очень вкусные, если их размочить в воде. А что касается воды, то Петя загадочно сказал матери:

— Вода к нам дорогу найдёт...

Никто бы не угадал, что Петя станет делать на следующее утро. Он отправился собирать прошлогодние стебли подсолнухов. Натащил их ко двору целую грудку и весь день прочищал у них серёдку, вытаскивая белую вату крючком. Прочистит и глядит в подсолнечный стебель, как в подзорную трубу.

— Смотри, смотри, — говорит, — днём на небе звезду видно!

И все ребята себе такие же трубы делают и на небо смотрят. Собрал мальчишек со всех концов деревни.

Мать думала, что это игра такая, но на всякий случай покачала головой:

— Ох, неспроста это!..

Она побаивалась Петиних изобретений.

Однажды он целый день пропадал и поздно вечером пришёл мокрый, чуть живой. Повалился и заснул крепким сном.

А утром встала мать, пошла корову в стадо выпустить и попала во дворе в лужу воды. Что такое? Дождя нет и ночью не было, а около дома лужи!

Не успела догадаться — доярки с фермы бегут и шумят на разные голоса:

— Где он, озорник? Где проказник?

— Ты смотри, чего твой Пентяй наделал!

— Воду у нас отвёл, лентяй!

Огляделась мать и видит — действительно, Петя к себе домой воду привёл! Тонкая неумолкаемая струйка весело бежит из стебля подсолнуха в колоду. Вон ведь как хитро — по подсолнечным стеблям идёт вода, как по трубам. Петя концы стеблей друг в друга заправил, позади огородов их уложил до самого леса и землёй присыпал, чтобы незаметно было. А там, в лесу, откуда из родничка ручей вытекал, плотинку сделал и из этой плотинки воду новым ходом пустил, в обход оврага...

Да не рассчитал: лишняя вода, которая в его трубы не попадала, по полям растекалась, — ручей-то и обсох. А из этого ручья колхозных коров поили. Позади фермы была уложена на дно большая дубовая колода из огромного дерева. С одного конца в неё вода вливалась, а из другого вытекала.

Пришли доярки утром, выгнали из фермы коров поить, глядят — а колода сухая. Воды в ручье нет, словно и не было. Стали думать-гадать: куда она девалась? А тут какой-то малыш и сказал:

— Воду Пентяй-лентяй отвёл!

Вот тут и поднялся шум... Колхозные женщины голосистые. Петин отец их голоса издали различил. Как раз в это утро он домой с курсов возвращался.

— Привет, граждане! Это что, собрание? По какому поводу самокритика?

— Да не по поводу, а по нашу по воду!

— Мы день-деньской маемся, с общественными коровами занимаемся, а тут придумывают, как нам хуже сделать!

— У нас и без того дела много: дойки да мойки, сколько сена потаскаем да навозу покидаем — рученьки отсыхают, а тут у нас в один двор всю воду забирают.

На их причитания даже председатель колхоза пришёл.

— Вот, — говорит, — сынок у вас, Федор Петрович, свой двор залил, а колхоз обездолил. Нехорошо!

Ну, словом, дело кончилось тем, что забрали у Пети воду. Все его подсолнечные трубы по полю разметали. Особенно мальчишки постарались, которых он обманул. Не сказал ведь им, что получится, — у всех беда, а у него вода!

Вот теперь и вышло наоборот.

А Петя в это время спал и видел приятные сны. Приснилось ему, будто приехал отец. Стал спрашивать, как без него жили. А мать не нахвалится Петей и всё толкует про его водопровод... Проснулся Петя, видит — за столом сидит отец. И такой непохожий: бритый, помолодевший, в городском новом костюме.

— Здорово, герой! — сказал он сыну.

Петя одним духом перелетел с кровати к столу и обхватил отцовскую шею так крепко, словно хотел задушить. От радости не мог произнести ни слова.

— Ну, как ты тут жил без меня? С мамой не ссорился?

— Бывало, из-за воды, — смущённо ответил он. — Но теперь кончено, — у нас водопровод...

И Петя повёл отца похвалиться своим изобретением. Каково же было его горе, когда увидел, что всё его сооружение исчезло! У Пети ноги подкосились, и он заплакал, как маленький.

— Напрасно ревёшь, — сказал отец, — сам виноват. Кому нужно такое изобретение, от которого одному

польза, а другим вред? Не настоящее получилось дело, обманное.

И он рассказал, что из Петиной выдумки вышло.

— Я не виноват... Это меня вода обманула! — ещё горше заплакал Петя.

— Ничего, — сказал отец, — я на курсах кое-чему подучился. Знаю, как съёмку местности сделать. Как вычислить падение воды. Как построить плотину. Мы, брат, настоящий водопровод сделаем для всего колхоза, а не такую фитюльку, как твой.

— А я буду твоим помощником? — быстро смахнул рукавом слезы смыслённый изобретатель.

— Обязательно! И ты, и все ребята. Собирай мальчишеский народ. Отправимся на разведку.

И вместорёва Петя тут же издал переливчатый свист — сигнал сбора всех ребят своей улицы.

Мальчишечьи ссоры недолго живут. Скоро дружная босоногая компания направилась к лесу, к истокам ручья, во главе с бригадиром. И обманутый обманщик, шлёпая по лужам, набежавшим на поля, думал:

«Вот вырасту большой, да выучусь, да ещё что-нибудь такое изобрету, что все будут довольны... И за что это меня прозвали Пентяй-лентяй? Неправильно!»

Виталий ПАШИН

ФАИНКА И МИШУТКА

Рассказ

Мишутка родился седьмым, последним по счёту щенком у лисицы. Маленький и слабый, он с первых дней жизни попал в немилость к своим братьям и сёстрам. Они грубо отталкивали его от матери, подминали под себя и вообще делали с ним всё, что было в их силах. Так и скулил он где-нибудь в углу, голодный, беспомощный.

Когда самке надоедало слушать унылый писк лисёнка, она хватала его за шиворот и начинала качать,

словно капризного ребёнка. На беду, заболел у щенка хвост — то ли прищемил где, то ли самка когтем царапнула. Стала ему мать зализывать ранку, да, видно, укусила. А уж почует лиса кровь, не посмотрит, что перед ней сын родной, — слопает.

И закончил бы Мишутка свой жизненный путь слепым щенком, не успев даже увидеть мир, если б не заглянула в гнездо Фаинка, внучка Евдокии Даниловны — звероведа колхозной фермы серебристо-чёрных лисиц.

— Батюшки! — всплеснула руками и набросилась на лисицу. — Ах ты, людоедка! Чтоб тебя осенью выбраковали да шкуру с тебя, со злодейки, содрали!

Выхватила малыша из пасти матери, спрятала под тёплый полушубок и принесла на кухню.

— Бабушка, — позвала она Евдокию Даниловну. — Смотри-ка!..

Выложила щенка на тёплую лежанку, а у него и голова не держится, как есть мёртвенький.

— А где хвост-то? — удивилась Евдокия Даниловна. — Никак мать попользовалась.

— Откусила, — сквозь слёзы проговорила Фаинка.

— Ну, а плакать зачем! Беги быстрее за аптечкой.

Евдокия Даниловна растёрла в ладони таблетку стрептоцида и посыпала щенку огрызок хвоста, а Фая тем временем налила в блюдечко тёплого молока и подсунула лисёнку. Нет, не умел он ещё есть самостоятельно!

Долго мучилась с ним Фаинка, пока не пришла ей в голову мысль прибегнуть к помощи соски. С большим трудом, но накормила она Мишутку и уложила в ящик, устланный сеном, подле тёплой плиты.

— Я сегодня домой ночевать не пойду, — решительно заявила Фая бабушке, — с тобой останусь дежурить.

— Тогда беги, предупреди мать. Да и вертайся, пока светло...

За ночь кухня остыла. Проснулась Фая утром от странного писка. Поглядела, а лисёнок уткнулся мордочкой в угол ящика и воет жалобно. Закоченел бедный. Схватила его Фаинка, затащила к себе под одеяло и отогрела.

Днём пришла заведующая фермой Элла Бастрыкина. Фая и Евдокия Даниловна рассказали ей о случившемся.

— Ну-ка, давайте его на печурку, посмотрим, — распорядилась заведующая.

Какое же это было щедедушное создание! Слепое, бесхвостое, на кривых ножках, точь-в-точь маленький медвежонок. Первой это сходство заметила Фаинка. Так и осталось за щенком прозвище Мишутка.

Лисёнок развивался хорошо: за месяц с небольшим принял обличье настоящего справного щенка, только бесхвостого. Однако выпаивание чужим молоком не прошло для Мишутки безнаказанно — новое несчастье постигло малыша. Однажды заметила Фая на его теле язвочку. Одну, другую, третью... За каких-то два дня лисёнок сплошь покрылся коростой. Страшно было смотреть на него.

— Подохнет, — сокрушалась Евдокия Даниловна. — Пропали наши труды.

— А может быть, ничего? Как вы считаете? — с надеждой спрашивала девочка у заведующей фермой.

Элла только пожимала плечами: с такой болезнью молодой специалист встречался впервые. Какими медикаментами только не лечили Мишутку — ничего не помогало. Наконец кто-то из села посоветовал смазать щенка рыбьим жиром.

— Семь бед — один ответ, — сказала Элла. — Попробуем и этот способ.

Попробовали, и что ж вы думаете! Помогло...

Между тем наступила весна, сошёл снег, солнце подсушило землю, зазеленела трава. Фаинка по-прежнему каждый день прибегала на ферму. Не столько к бабушке, сколько к Мишутке. Уж очень интересно было играть с ним — никаких кукол не надо! Принесёт его Фаинка из клетки на кухню, напоит молоком и примется обучать всяким фокусам: на задних лапках стоять, через прут прыгать, носом мячик по полу катать. Соберутся «на представление» работницы фермы, хохочут, пророчат девчонке:

— Быть тебе укротительницей зверей в цирке.

— Нет, — серьёзно отвечает девочка. — Я на ферму к вам приду работать, когда бабушка на пенсию уйдёт.

— Эко, милая, — улыбается Евдокия Даниловна, — ты к тому времени ещё только во втором классе будешь учиться.

— А заочно или по совместительству, — шутят женщины.

Как-то решили работники фермы выпустить Мишутку за ограду. Посмотрели бы вы на него, когда он впервые попал в родную стихию. Этот кухонный храбрец на воле оказался совершеннейшим трусом. Всего-то он пугался: зашелестит ли ветер сухими прошлогодними листьями, пробежит ли по кронам берёзок — несётся Мишутка со всех ног к двери кухни, сядет на крылечко и скулит, пока не отворят ему дверь.

Так продолжалось с неделю. Обжился Мишутка на воле, но в лес убегать и не думал: привык он к людской ласке и защите. Бывало, выбежит за ограду, играет с курами, пристаёт к поросёнку, пугает утят, а чуть кто его тронет — летит на кухню жаловаться Евдокии Даниловне.

— Уж помяни моё слово, — говорила она Фаинке, — опять беда случится с Мишуткой: больно он шустрый да любопытный.

Прошло короткое знойное лето. Мишутка поздоровел, вырос. Но до братьев-красавцев ему было далеко: на всю жизнь остались на нём пометы материнских зубов. А тут под осень ещё одно несчастье приключилось...

Отправилась как-то Евдокия Даниловна в село за мясом для лисиц и не заметила, как за телегой увязался Мишутка. Километра полтора под гору проехала мигом. На окраи-

не села её внимание привлекло странное оживление собак, которые, заливаясь лаем на все голоса, бежали навстречу повозке. Евдокия Даниловна оглянулась.

По дороге, ведущей к звероферме, со всех ног улепётывал преследуемый собаками Мишутка. Расстояние между ним и огромным псом — вожаком стаи — заметно сокращалось. Евдокия Даниловна повернула лошадь и погнала к ферме, по-мужски встав во весь рост на дно телеги. Да где там...

Ох, плохо на этот раз пришлось злополучному лисёнку. Слишком поздно заметили с фермы необычную погоню. С криком, размахивая палкой, бросилась Фаинка навстречу Мишутке, но собачья свора оказалась проворнее: передний пёс уже настиг лисёнка. Изловчившись, он схватил Мишутку за заднюю ногу и свалил на дорогу. Налетели собаки, сбились в кучу, на мгновение исчезли в клубах густой рыжей пыли...

В этот момент в свалку вмешалась Фаина, заработала палкой. Трусливые дворняжки разбежались, скуля и прихрамывая. На обочине дороги, перепуганный насмерть, лежал на спине взлохмаченный лисёнок. Его чёрная, с серебристым отливом шерсть посерела от пыли, в нескольких местах виднелись раны от собачьих клыков. С трудом подняв голову, полными слёз глазами Мишутка смотрел на свою спасительницу и жалобно повизгивал, когда Фаина дотрагивалась до него рукой. Подъехала Евдокия Даниловна, на ходу соскочила с телеги.

— Ах, дурачок, дурачок, — сокрушалась она, — и как это угораздило тебя... ишь ведь чего выдумал...

Лисёнка осторожно уложили в телегу и повезли на ферму.

Нет худа без добра, говорят люди. К серебристо-чёрным лисицам эта поговорка тоже иногда подходит. Если б Мишутке не отгрызла мать хвост, если б не порвали собаки в нескольких местах его шкуру, распростился бы прошлой осенью Мишутка со своей жизнью.

Председатель колхоза качал головой.

— Потеряли мы на нём добрую сотню рублей, шут знает, каким сортом и сдавать-то его шкуру: сплошные дефекты...

— Дядя Федя, оставьте Мишутку на ферме, — жалобно попросила председателя Фаинка.

— Это зачем ещё? Нам на ферме тунеядцы не нужны. Ешь колхозные корма — будь любезен приносить пользу.

— А он нечто не приносит? — вступилась в разговор Евдокия Даниловна.

— Какую же? — удивился председатель.

— Обыкновенную, — не смутилась Фая. — Ловить лисиц помогает, да и вообще — на задних лапах ходить умеет. Вы где-нибудь видели, чтобы лисы на задних лапах ходили? А Мишутка ходит... Хотите, он вам сейчас покажет.

Председатель слушал-слушал и не выдержал — рассмеялся.

— Ох и хитрый народ!.. Ну, да ладно, я человек покладистый. Оставляйте своего Мишутку для экспериментов, пусть он у лисьей братии за старшего будет.

Так и живёт Мишутка на ферме до сих пор. Перед другими четвероногими обитателями лисьей вотчины у него особая привилегия. Мишутка имеет полное право по своему желанию выходить из вольера и вместе с работниками фермы делать обход. И если какая-нибудь шустрая лисица вдруг вырвется из клетки, Мишутка первым бросается ловить её. Одним словом, харч колхозный не даром ест, помогает людям по мере способностей. С работниками фермы приветлив, а к Фаине прямо-таки равнодушен. Стоит ей появиться на ферме, Мишутка уж у её ног увивается, словно собачонка. Ну и она его балует: то молока у Евдокии Даниловны лишнюю порцию выпросит, то конфет принесёт. И всё ему.

— Повезло тебе, Мишутка, — смеются работники фермы. — Ишь, какая у тебя заступница!

А Мишутка слушает и голову вскидывает от удовольствия, будто хочет сказать: «А как же!»

КАТИН КУСТ

Рассказ

Было это в конце августа прошлого года. Катя и её дедушка Степан отправились за грибами; набрали и на боровики, и на подосиновики, и на грузди — знал дед заветные места. Знал. А верх корзины прикрыли рыжиками, их брали у молодых ёлочек.

Обратно шагали усталые, но довольные, особенно Катя: и грибов насобирали, и по лесу нагулялись.

— Пить хочется страсть как, — сказала Катя.

— Погоди чуток, вот выйдем к ручью Кичёмке, и попьёшь.

— У вас даже у ручья есть имя! — удивилась Катя.

— Как же. Каждый омут на речке имеет имя. Каждое поле. Даже родники с именами... И леса и луга. — Дед придержал ветку ивы, пропустил внучку вперёд. — Ну вот и Кичёмка. Пей. Водица в ручье лесная, душистая. Кабы каждый денёк такой водицей умывалась, и веснушки бы смыла.

Катя сомкнула пальцы, как дед учил, ладонь выгнула лодочкой и стала черпать воду из ручья Кичёмки. Пила, чмокала, нахваливала. А как разогнулась, так сразу и увидела куст дикой чёрной смородины. Без ягод — какие птицы склевали, какие осыпались.

— Дедунь, а лесная чёрная смородина вкусна?

— Гм... Ещё как вкусна! И куда ароматней садовой... А-а, вот ты почему спрашиваешь. — Тут и дедушка увидел куст.

— Давай выкопаем два-три прутика и посадим у нас в огороде. Можно это?

— Конечно, можно. Как раз подходит сезон посадок... А коли приживётся, назовём его, куст чёрной смородины, Катин куст. Не возражаешь?

Так они и сделали...

На следующий год Катя приехала к дедушке Степану на всё лето. Поставила вещички в сенцах, выскочила во двор,

весь солнечно-золотистый от одуванчиков, и спросила деда Степана, строгавшего доску на верстаке:

— Ну как наш куст? Куст чёрной смородины?

— А-а, Катин куст? Жив... Живёт. Сбегай, погляди... Значит, не позабыла, — улыбнулся дед.

Кажется, здесь. Катя ни за что бы не признала свой куст — так он пышно разросся, если бы не помнила место: у стены баньки. Все ветки были густо облеплены ягодами, густо-чёрными, глянцевыми, иные горели от росы на солнце.

— Хорошо растёт! — похвалила Катя свой куст. И сорвала ягодку. Раздавила её губами, съела и улыбнулась: — Ароматная, лесная.

Ефрем ТИМОШЕНКО

ЁЛОЧКИ-МЕТЁЛОЧКИ

Рассказ

На косогоре у речушки Шершавки, в которой только в дождливую пору да весной тихо струится вода, росла Берёзка. Невдалеке от неё стояли высокие старые ели, маленькие берёзки да частый ельничек.

В конце зимы на большие ёлки повадилась приходить белочка. Она шелушила шишки, ела из них семена, некоторые второпях роняла. Семечки, кружась на ветру, летели вниз и ложились на снег возле Берёзки. Берёзка возмущалась громко, гневно, только что не топала ногой:

— Куда она их сыплет? И зачем?! Эти семечки потом станут ёлками-метёлками, закроют мне солнце! заслонят простор! Ветер-ветерок, — обратилась Берёзка к ветру, — отнеси, пожалуйста, семена противных ёлок-метёлок куда-нибудь подальше. Мне они не нужны!

Ветер, хотя и не был согласен с Берёзкой, всё же швырнул семена в сторону от неё.

Весной снег растаял. Семена водой прижало к земле. Они пустили цепкие корешки, и вскоре поднялись малюсенькие, чуть заметные ёлочки с зелёными иголками. Год за год

ёлочки подросли. Соседние берёзки тянулись вверх проворнее их, и ёлочки за ними не поспевали и прикрывали-то их едва-едва до половины.

Строптивая Берёзка, та, что просила ветер отнести семена ели подальше от неё, стояла одна. Стройная, раскидистая в ветвях, она игриво шевелила листвой на ветру и приговаривала:

— Я самая красивая! Я у всех на виду! У меня и солнце — со всех сторон, у меня и воздух чистый — со всех сторон. Никто мне не мешает.

После одной из морозных зим началась затяжная весна с ветрами да снежными метелями. Казалось, что где-то на севере недобрый великан распахнул ворота, и холод, сокрушающая всё на своём пути, понёсся к югу. Подлетел ураган и к речке Шершавке.

Первой повстречалась ему Берёзка, она ведь стояла на самой опушке. Ураган набросился на неё. И гнул к земле, и метал из стороны в сторону, старался изловчиться, подналечь и сломать. Перепуганная Берёзка закричала:

— Ой, я не могу! Ураган меня переломит! Ёлочки-метёлочки, укройте!

Ёлочки-метёлочки в ответ шумели издали:

— Мы рады бы помочь тебе, мы заслонили бы от урагана, но мы далеко от тебя. А теперь мы не можем летать, нас корни не пускают.

Берёзка еле-еле держалась. Едва живая, пружиня под напором ветра, она всё умоляла:

— Спасите меня! Ёлочки-метёлочки, на помощь!

Ураган всей силою, которую накопил на просторе у косогора, налетал на Берёзку. Вцепился, согнул её до самой земли. Берёзка из последних сил держалась и выкрикивала:

— Ах, я не устою одна! У меня кончаются силы! Погибаю!

Берёзка боролась, старалась выпрямиться. Ураган обозлился и навалился ещё пуще. Раздался треск. Тонкий ствол дерева не выдержал, надломился. Берёзка упала.

— Прощайте, — простонала она напоследок. В свежем изломе показался сок. Крупными каплями он катился по белому стволу, как слёзы. Берёзка неслышно плакала.

Тревожно шумел лес. Раскачивались сосны и ели, ветер

свистел в голых сучьях осин, раздавался треск падающих деревьев. Стонало, скрипело и ухало. Притаились белки, замерли в укрытиях зайчишки, выжидали в низинах лоси, затихли птицы. На прощанье ураган потешился метелицей и засыпал всё чистым белым снегом.

На другой день сияло солнце, было по-весеннему тепло. Выпавший рыхлый снег быстро таял, унося с собою и зимний. Весело пели птицы. Деревья расправили ветви, ёлочки-метёлочки казались ещё наряднее: у них на иголочках капли светились разноцветными фонариками. Дышала земля, всё радовалось, всё набирало силу.

А Берёзка, сломанная ураганом, лежала вдоль сугроба и лила свой сладкий сок. Его жадно пили большекрылые комарики, пили, как живую воду, чтоб скорее окрепнуть и вырасти.

Этой же весной я собирал на проталинках и на солнцепёке первые грибы, сморчки, и шёл вдоль Шершавки. Я увидел сломанную ураганом Берёзку.

Я поднял Берёзку, подпёр длинной жердью с той стороны, где гибкая часть ствола не треснула, замазал глиной излом, обернул пластмассовым мешочком, который лежал у меня на дне корзинки, обложил упругими сухими еловыми сучками и туго-натуго завязал верёвкой.

Берёзка проснулась, зашелестела ветвями с уже набухающими почками:

— Я, кажется, буду жить. Спасибо тебе, человек.

Деревья на опушке повторили хором:

— Спасибо вам. Мы не забываем добро. Мы и вам дадим силы.

Берёзка грустно вздохнула:

— Я сама виновата в своём горе.

Позже, когда ствол Берёзки сросся, я снял повязку, убрал подпорку.

Прошло несколько лет. Я часто прихожу на это место. Бываю и весной, и летом, и осенью, — и всегда люблюсь ожившей берёзкой. Она встречает меня радостным шумом ветвей, и кажется, что она ждёт этого свидания. Теперь она уже не одна. Вокруг неё много подрастающих ёлочек. Они сплелись ветвями, будто ребяташки взялись за руки, и ведут у Берёзки весёлый хоровод.

ТРИ ЛОПАТЫ

Рассказ

Жили-были три лопаты.

Большая, широкая, с железной полоской по краю, — папина.

Средняя, поуже и полегче, — мамина.

И маленькая, которую папа сделал из фанерки и ровной палочки, — Наташина.

Большие лопаты стояли в сарае, а маленькая на крылечке, потому что она часто была нужна девочке.

Как-то ночью перед выходным днём напало столько снега, что завалило и большую дорогу на улице, и все тропинки во дворе — ни проехать, ни пройти.

— А ну-ка, где наши лопаты? — спросил папа и пошёл прямо по сугробу в сарай. — Будет вам сейчас работа.

Взял папа большую лопату, мама среднюю, а Наташа маленькую, что стояла на крылечке, и начали три лопаты работать.

Большая разгребала снег от крылечка к калитке, средняя — до сарая, а маленькая — на тропинке к кормушке, где всегда был корм для птиц. Так и летел снег во все стороны!

Как загребёт большая лопата целую грудку снега, как бросит его на сугроб, — сразу на целый шаг дорожка к калитке станет чистой.

Средняя лопата тоже работала с удовольствием, и тропинка к сараю становилась всё чище.

Вовсю трудилась и маленькая лопатка, расчищая дорогу к кормушке, только отдыхала почаще. Вот зачирикал воробей на заборе: «Наташа, ты скоро? Я есть хочу!» — лопатка остановится и слушает серую птаху. Попадётся на тропинке палочка — опять остановка: надо ведь расчистить её и посмотреть, откуда она взялась и нельзя ли этой палочкой поиграть. А иногда лопатка стояла просто так, видно, устали и замёрзли ручонки, что её держали. Всё-таки морозно было на дворе.

Но дело быстро подвигалось, и скоро все дворовые тро-

пинки были чистые, и очень приятно стало ходить по ним.

Подумали, подумали тогда три лопаты и вышли за ворота на улицу.

Большая снег на дороге разгребает, средняя — тропинку перед домами, а маленькая — место перед калиткой, чтобы дверь лучше открывалась.

Выглянули в окна соседи, и стало им завидно. Взяли они свои лопаты — и пошла работа по всей улице! Так и мелькают перед домами лопаты, большие, средние и маленькие, так и летит снег во все стороны. И часа не прошло, как улица и тротуары очистились от снега. Стали ребятишки ходить по чистым дорожкам друг к другу, стали на санках кататься и крепость снежную строить — весело им!

А уставшие лопаты вернулись на свои места: большая и средняя — в сарай, а маленькая — на крылечко. Стояли они и слушали, как ходили люди по чистым тропинкам и говорили:

— Хорошо поработали лопаты у этого дома с резными наличниками! Видно, работающие люди живут в этом доме.

Я САМ

Рассказ

Приехал на лето в гости к Коле двоюродный брат Эдик. Папа с мамой у Эдика уехали отдыхать к Чёрному морю, и сына оставили у Колиной бабушки. Она и Эдику тоже была бабушкой.

Оба мальчика ровесники, и так похожи друг на друга, что соседи часто их путают — такие они одинаковые. Даже мороженое они любят одно и то же: эскимо на палочке.

Остаётся только добавить, что смотрят Эдик с Колей одни и те же книжки и есть у них одинаковые любимые слова: я сам.

— Я сам! — говорит Эдик за вечерним чаем, когда бабушка берёт из сахарницы конфету в алой бумажке. — Я сам её съем.

И хотя рядом с его чашкой уже лежат две шоколадные конфеты, а в сахарнице полно других, он кладёт конфету, отобранную у бабушки, поближе к себе.

А когда ребята во дворе просят у него пострелять из пистолета, Эдик всегда говорит:

— Я сам! Я сам хочу стрелять, я ещё сам не наигрался пистолетом. Бах! Бах! Бах! Хороший у меня пистолет.

Вздыхнут ребята, отойдут от Эдика и начнут играть без него. Да ещё кто-нибудь назовёт его жадиной.

Подобрали однажды ребята щенка, худого, лохматого и голодного. Решили его накормить. Хотели было бежать за едой, да увидели, что Эдик ест булочку с колбасой.

— Эдик, накорми Бобика, — сказал Миша. — Ты ведь до обеда потерпишь.

— Я сам не наелся! — буркнул Эдик и дожевал булочку до конца, даже крошечки Бобику не оставил.

Но ребята не очень огорчились. Быстро сбегали они домой, вынесли хлеба, молока, накормили собачонку и стали сообща делать конуру. А Эдик так и остался в сторонке.

Коля тоже часто произносит «я сам», даже чаще Эдика.

— Я сам! — скажет он, когда бабушка захочет надеть на него носки или сандалии.

И он сам, без бабушкиной помощи, оденется.

— Я сам! — говорит Коля папе, когда тот хочет подтолкнуть велосипед, чтобы помочь сыну подняться на крутую асфальтовую горку около магазина. — Пожалуйста, не помогай мне, папа, я сам.

Попыхтит, попыхтит Коля, изо всех сил нажимая ногами на педали, зато въедет в гору сам.

А когда днём все пообедают и папа с мамой снова уйдут на завод, Коля скажет бабушке:

— Ты, бабушка, посиди, отдохни, а я посуду со стола на кухню сам перенесу и стол тоже вытру тряпочкой.

Как скажет, так и сделает. Уберёт посуду и приведёт стол в порядок. А убранные тарелки бабушка быстро вымоет.

Как-то вечером играли ребятишки во дворе, и Коля нечаянно разбил стекло мячом.

— А я скажу, а я скажу! — заплясал от удовольствия Эдик. — Я скажу про тебя управдому, и тебе влетит.

Коля чуть не заплакал от огорчения, но сказал:

— Не надо говорить, я сам! Я сам всё маме расскажу.

Пришёл он домой и сознался маме:

— Мамочка, меня нельзя брать завтра в кино, я стекло разбил... Я нечаянно.

И мама не поставила Колю в угол, только не пошли они в кино, как уговорились.

Когда Колин папа подарил ребятам бумажную лодочку, Коля попросил его:

— Покажи, папа, пожалуйста, как делают такие лодочки. Я хочу их делать сам.

И через час он уже выстроил для себя и Эдика целый бумажный флот.

Вот какие одинаковые мальчики Эдик и Коля. Оба рыженькие, оба в зелёных тюбетейках и оба говорят одинаковые слова «я сам». И всё-таки одного из них бабушка любит больше. Почему?

САМОЕ ГЛАВНОЕ

Сказка

Давным-давно не в некотором царстве, некотором государстве, а на земле русской жил-поживал мудрый старик — крестьянин, и было у него три сына. Старшего звали Ярослав, среднего Гаврила, а младшего Иванушка. Сиротами остались братья, когда умерла их добрая матушка, один растил их отец.

Пахал старик землю, смотрел, как дети растут, да совсем уже занемог.

Вот как-то по весне призвал их к себе и говорит:

— Совсем худо мне, сыновья мои милые. Слышу, жаворонок в небе поёт, а сил нет с полатей слезть да на завалинке сесть-посидеть, на солнышке больные косточки погреть. Надо избу поправить — совсем обветшала она за зиму, — да руки топор не держат. Скоро в поле выезжать, хлебушек сеять, да мочи нет у меня с Сивкой управиться...

Пригорюнились сыновья, услышав такие слова, а старик продолжал:

— Было ночью видение мне, приходила ко мне во сне ваша добрая матушка. Будто встала она у порога, поклонил-

лась в пояс и говорит: «Не печалься, Степанко, муж мой любимый, ждут тебя впереди ещё радости. А принесут тебе здоровье и счастье сыновья наши милые». Сказала так и пропала, будто всё привиделось мне. Долго я думал и решил вот что. Ты, Гаврила, и ты, Ярослав, пойдёте по миру искать себе счастья, а мне здоровья — есть, как сказала матушка, оно на белом свете. А ты, Иванушка, при мне останешься, мал ещё ты.

— А теперь, дети мои, выведите меня на ясно солнышко. Благословлю я вас в дальний путь и дам вам последний наказ.

Вывели старшие братья старика отца из избы, посадили на крылечко и ждут его последнего слова. А солнышко-то на небе сияет, улыбается, скворушка на берёзе поёт-заливается, да последние ручейки журчат-переговариваются, убегая в речку, — хорошо братьям у родного дома, так и не уходил бы никуда.

— Вот вам, дети, мой наказ. Знаю, тяжело будет вам в дальних краях у чужих людей, холодно и голодно. Что хотите берите из дому в путь-дорогу, но приведите вы в нашу избу добрую хозяйку и принесите то, что своими руками добудете, — самое главное. Но смотрите, коли принесёте что лишнее — не будет тогда ни вам счастья, ни мне здоровья.

Призадумались братья, приуныли... То-то загадал им загадку отец. Да что делать?

Первым пошёл в избу Ярослав, старший брат, взял там лук со стрелами и поклонился отцу:

— Благослови, батюшка!

— Иди, сын мой, благословляю тебя, — сказал старик, и пошёл Ярослав в путь-дорогу через леса и моря на заход солнца.

Потом в избу пошёл Гаврила, средний сын, взял там медный грош — один-единственный лежал он за окном в тряпице, — и тоже поклонился отцу:

— Благослови, батюшка!

— И тебя благословляю, доброго тебе пути, — сказал отец, и отправился Гаврила в дальний путь через поля и реки туда, где солнце уже высоко стояло.

А Иванушка, младший сын, смотрел-смотрел вслед

братьям, а когда совсем они скрылись из вида, поклонился вдруг старику и попросил его:

— Отпусти ты и меня, батюшка! Дай и мне попытать счастья, здоровья тебе добыть. Не могу смотреть, как тяжело тебе, хочу принести тебе и я хоть немного радости.

— Что ты, Иванушка, мал ещё! За братьев твоих душа моя болит, а коли и с тобой что случится, совсем не переживу я. Тебе-то придётся труднее всех.

— Не печалься, милый батюшка, не пропаду я. Да и ты один не останешься, добрые соседуски тебе помогут.

Обнял старик своего младшенького на прощание, и пошёл в путь-дорогу Иванушка, в дальние края на восход солнца. Ничего не взял с собой, кроме родительского благословения.

И остался старик один.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Много раз вставало солнышко там, куда ушёл Иванушка, и садилось в той стороне, куда отправился старший сын; много раз набегали тучи и гремел гром над полями и реками, за которыми пропадал средний сын; много раз сидел на завалинке старик отец и, прикрывшись рукой, вдаль всматривался — не покажутся ли на вечерней заре сыновья его любимые. Но пуста была дорога. Лишь ветер клонил придорожную полынь, лишь жёлтый лист падал с берёзы на осиротевшую избу да вороны каркали над пустыми мокрыми полями. Вернутся ли сыновья в родную деревню, не пропадут ли на чужбине? Не раз горько каялся старик, что нет больше рядом детей, таял и таял он один-одинёшенек, последние силы покидали его.

А где же сыновья его, неужто и впрямь пропали они, неужто злые звери гложут их косточки и холодные дожди льют свои слёзы на их одинокие могилы? Да нет, было всё совсем не так!

Перекинул в тот день Ярослав тугой лук через плечо, вложил в колчан калёные стрелы и пошёл на заход солнца куда глаза глядят. Много дней и ночей шёл он за счастьем, да подстерегла его однажды беда.

С гиком, свистом налетели на путника лесные разбойники, связали ему руки, отняли лук со стрелами и повели к атаману.

— Чей ты будешь, добрый молодец? — спросил атаман, возлежа на пуховых подушках в шёлковом шатре.

— Я крестьянский сын Ярослав, иду счастья искать, — ответил пленник. — А ты, атаман, не знаешь ли, как найти мне его?

И рассказал атаману всё, как было.

Задумался атаман, а потом и говорит:

— Коли хочешь счастья найти, иди ко мне в дружину. Дам я тебе коня вороного, меч булатный да шлем, который никакая стрела не возьмёт, а всё, что тебе надо, ты мечом себе добудешь. Гей, слуги, развяжите его!

И вступил Ярослав в дружину. Много раз поднимал он свой меч и натягивал тугой лук, многих жён сделал вдовами, а детей сиротами, много богатства добыл и сам стал атаманом. Не раз ходил он войной на другие княжества, и слава бежала впереди его.

— Вот теперь, — подумал он, — не стыдно будет мне домой возвращаться.

А Гаврила, средний сын, положил медный грош в свой кафтан и направился в дальний город на ярмарку. Долго ли, коротко ли, догнал его по дороге купеческий обоз.

— Куда, добрый молодец, путь держишь? — спросил его главный купчина, выглядывая из самого богатого возка. — Садись, подвезу, больно уж приглянулся ты моей дочке любимой.

Сел в возок Гаврила и начал рассказывать про отцовский наказ.

— Твоё счастье в том, что встретил ты нас, — сказал купец, поглаживая рыжую бороду. — А есть ли у тебя деньги?

— Есть у меня один медный грош, — сказал Гаврила. — Берегу я его пуше глаза.

— Для начала и он сгодится, — ухмыльнулся бородач. — Приедем на ярмарку, научу я тебя, как из одного гроша три сделать. А там тебе моя дочка поможет, коль возьмёшь её в жёны. Смышлёная она у меня, хорошей тебе будет хозяйкой.

Посмотрел на неё Гаврила, а она круглая, пышная да румяная, а плутоватые глазки так и стреляют. Подумалось ему:

«Вот как всё ловко складывается! Коли будет у меня хозяйка да много денег — так я за деньги что хочешь куплю».

И начал он торговать: купит подешевле, продаст дороже — глядь, к одному грошу другой пристанет. Так и текут денежки в его карман, а когда они в кармане помещаться не стали, завёл Гаврила сундук. Вскоре заблестело в том сундуке золото, засверкали драгоценные камушки, наполнился он дорогими одедами. Тогда-то и подумал он:

— Вот теперь и домой пора! Наверное, у меня в сундуке самое-самое главное.

А Иванушка, младший сын? Не было у него ни тугого лука со стрелами, ни гроша медного, было только одно родительское благословение да сердечное желание помочь старику отцу.

— Как он там один, мой батюшка, — не раз со слезами думал он. — Трудно ему одному без меня, такому хворому. Где же я найду ему снадобье от его болезни?

Шёл Иванушка, шёл и вдруг видит у дороги поле. Идёт за Сивкой старик, землю пашет. Рубаха на нём старенькая, да чистая, а борода совсем седая, как у его отца. Взгрустнулось Иванушке.

— Отдохни, дедушка, посиди тут у родника под берёзой, — сказал он. — А я пока за тебя попашу.

Взял Иванушка вожжи в руки, взял соху да и вспахал всё поле. Сначала не ладилось у него, потом хорошо дело пошло.

Солнце стояло высоко, когда Иванушка подвёл Сивку к берёзе и отпустил её пастись. Глядь, а старик не один. Сидит рядом с ним девица-красавица, дочь старикова, обед ему в поле принесла. Старик её Машенькой кличет. Глянул Иванушка в её голубые и чистые, как небо, глаза, и замерло у него сердце. А старик спросил:

— Далече ли путь держишь, добрый молодец?

— Иду я по воле батюшки, по своему желанию искать по свету ему радость и здоровье, — отвечал Иванушка. — Совсем он хворый у меня и совсем один.

Задумался старик, а Машенька пригорюнилась. Будто померкли васильки, что были вышиты на её сарафане.

— Не горюй, Иванушка, — сказал наконец старик. — Чует мое сердце, найдешь ты на этом поле своё счастье и всё, за чем пришёл. Только помоги ты мне, совсем я уже стар. Не те уже руки, чтобы все дела переделать.

Пожалел старика Иванушка, да и Машенька очень уж ему приглянулась, и остался он у старика крестьянствовать. Чем больше он пахал и сеял, чем чаще слышал он голос девушки, тем меньше оставалось у него в сердце печали и горечи. Всё больше становилось надежды, что вот-вот исполнит он отцовский наказ и скоро опять возвратится в свой дом.

Так и прошло время. А какое — кто его мерил? Только дули уже холодные ветры, только совсем облетела берёза у крылечка, только совсем потерял надежду увидеться с сыновьями старик отец, когда зазвенели на краю деревни бубенцы и вихрем подлетела к отцовской избе удалая тройка.

— Здравствуй, батюшка, — поклонился в ноги отцу Ярослав — атаман. Высокий и статный, в кафтане плисовом, собольей шапке да алых сапожках стоял он перед избой рука об руку с заморской красавицей. А сабля вся в жемчугах так и горела у него на боку. — Прими к себе в дом молодую хозяйку. Три царства пришлось завоевать, трех царей-королей покорить, пока не добыл я себе жену, тебе волшебный напиток от всех недугов, а всем нам — вот эти сундуки с богатством. Это ли не самое главное? Во дворце будешь жить у меня. Отведай, батюшка, — и атаман протянул отцу золотой кубок.

Пригубил старик из кубка совсем чуть-чуть и нахмурился.

— Кровью пахнет твоё зелье, мой старший сын! Слезами политы твои богатства. А состаришься — прахом пойдёт всё, что ты завоевал мечом, сил уже не станет у тебя отстоять это. И недорого мне твои сокровища, не вижу я любви в глазах твоей красавицы заморской. Живи один! Чует сердце, — не будет у тебя счастья.

Только проговорил это, глядь, подъезжает на тарантасе Гаврила. Кафтан на нем дорогого сукна, а шапка лисья.

Поклонился он отцу и говорит:

— Выполнил я твой наказ, батюшка, добрую хозяйку

привёл к тебе в дом. Смотри, какая она у меня ловкая да смекалистая, — из любого гроша рубль сделает запросто! А рублей у меня — целый сундук. Избу тебе новую построю, да не избу, а хоромы всем людям на зависть. И про снадобье тебе я не забыл — за деньги чего только не купишь, — и протянул Гаврила отцу серебряную чашу.

Отведал старик из чаши и поморщился.

— Грязью пахнет твоё снадобье, средний мой сын. Знаю, будешь ты с хозяйкой вдвоём куковать на сундуке с деньгами в своих хоромаш. Стороной будут обходить добрые люди твой дом, нету чести в твоём богатстве, не будет и счастья тебе. Да и мне, видно, придётся умирать одному, совсем уже сил нет, не держат меня мои ноженьки.

— Не умирай, батюшка!

Глядят Ярослав с Гаврилой, а Иванушка подбежал к отцу, и поддержал его, и на завалинку под окнами усадил бережно.

— Ты прости меня, батюшка, не привёз я тебе богатств, зато пришёл я к тебе с моей радостью. Поди сюда, Машенька!

Смотрит старик, идёт к нему девушка в расшитом васильками сарафане, и каждый цветок на нём словно радуется, что он с Машенькой. А сама девушка такая пригожая да ласковая, такие глаза у неё голубые да добрые, что и старик как будто моложе стал. Протянула Машенька отцу Иванушки большой хлебный каравай и сказала:

— Отведай, батюшка! Этот хлебушек мой Иванушка сам в поле вырастил.

— И запей водицей родниковой, — протянул Иванушка отцу глиняный кувшин.

Разгладились морщины на лице старика, улыбнулся он и отведал хлебца от Иванушкиного каравая, а потом запил чистой родниковой водой. Румянец заиграл на его щеках, почувствовал старик, как кровь быстрее побежала по жилам, как силой наполняется его тело.

— Ты прости нас, батюшка, — повторил ещё раз Иванушка, — это всё, что принес я тебе.

— Спасибо тебе, Иванушка, — сказал ему старый отец. — За твой каравай, за водицу родниковую, за радость твою — Машеньку, спасибо. Нет ничего на свете дороже

отцу, чем хлеб, выращенный руками сына. Будет вам счастье, дети мои!

На том и сказке конец. Только слышали не раз люди, что есть на Руси деревня, где так и не стареют старики, потому что пашут землю вместе со своими детьми, растят хлеб, и счастье никогда не покидает их.

А про купца с атаманом что-то никто так и не слышивал.

Людмила ПИРОГОВА

ТКАЧИХА-РАДУГА

Сказка

Давным-давно это было. Жила в одной деревне девица-красавица Марья. Стройная была Марьюшка и лицом хороша, чёрная коса у неё до колен вилась. А руки работающие; ловкие: что шить, что прясть, что ткать — всё умела делать быстро и ловко. Одним словом, мастерицей была изумительной.

Вот приходит как-то приказчик¹ к девушке и говорит:

— Ну, Марьюшка, барин повелел девкам дорожки-ковры ткать. Ты у нас лучшая мастерица — тебе поручаю дорожку цветистую ткать. Приходи за шерстью.

А мать Марьи и запричитала:

— Ой, головушка бедная! Да у нас своей работы хоть отбавляй, а тут ещё эта приспела. Невмоготу нам.

— Ну, молчи, старая! — грозно топнул ногой приказчик.

Вздыхнула Марьюшка горестно, поклонилась низко и говорит:

— Приду. Только шерсть сама выберу таких расцветок, чтобы дорожка получилась узористая да яркая.

На том и порешили.

Стала ткать Марья дорожку. Сидит да челноком пощёлкивает. Другому такой работы на полгода, а Марья за месяц соткала и на барский двор понесла. Вышел приказчик, посмотрел и ахнул:

— Ай да мастерица! Не дорожка, а радуга!

А жена приказчика говорит:

— Ты эту дорожку себе возьми, а ей вели другую соткать.

Он так и сделал.

Заплакала Марья, да делать нечего. Сёла снова ткать. А у самой слёзы речью текут. Ткала, ткала да и уснула от усталости. И снится Марье, что идёт она по лесной полянке зелёной и видит: сидит на пенёчке девушка и пряжу прядёт. Сама в розовом сарафане, в венце девичьем, и русая коса через плечо перекинута. А пряжа тонкая да ровная: девушка то опустит веретено до земли, то опять его, словно играючи, поднимет, а сама на Марью пристально поглядывает. «Здравствуй, девица-красавица! — поклонилась ей Марьюшка. — Как тебя звать-величать?»

А та в ответ: «Здравствуй! Только я не девица, а Зорька-Заряница. Что ты, девушка, невесёлая?»

И поведала тут ей Марья о своём горьком житье-бытье. Наклонила головку Зорька-Заряница да и говорит: «Слушай, что я тебе посоветую. Если хочешь избавиться от

¹ Приказчик — управляющий помещичьим хозяйством. (Ред.)

жадного приказчика, то сотки дорожку похуже да и попроще, как все девушки ткут. Тогда ему завидовать нечему будет, и он откажется от твоей работы».

Вздыхнула Марья: «Не умею я понапрасну шерсть переводить. Как сяду за стан ткацкий, так у меня сердце загорится. Вижу: узоры, словно цветы, стелются. Хочу для радости людской как можно лучше на коврах те цветы выткать».

Улыбнулась Зорька-Заряница: «Вот ты какая! Ну хорошо. Возьми тогда платочек мой, пригодится. Худо тебе будет — брось его. Он тебя от беды избавит!» И положила ей в руку платочек из алого шёлка.

Тут Марья проснулась. Проснулась, сну дивится, а платочек у неё в руке. Никому не сказала о таком диве, но платочек у сердца спрятала.

Соткала дорожку краше первой и опять приказчику понесла. Вышел тот, ухмыльнулся от удовольствия. А жена опять ему на ухо шепчет:

— Забери себе, а её заставь ещё дорожку соткать. Не велика птица — сделает!

Тут купец, что к приказчику приехал шерсть скупать, из светёлки на крыльцо вышел. Понравилась ему дорожка. В уме прикинул, сколько за неё можно денег взять, и говорит:

— Продай мне!

Приказчик усмехнулся и отвечает:

— Эту дорожку я барину в Питер отошлю, а ей велю другую соткать, вот ту и продам:

Засмеялся купец:

— С одной дорожки я не разживусь. Ты мне саму мастерицу продай.

И продал приказчик Марью купцу. А сам в книге учётной записал: «Раба Марья в лесу сгилла».

Привёл купец Марью к себе, посадил её в светёлку за ткацкий стан и говорит:

— Коли ты такая мастерица, то будешь у меня ткать, покуда живёшь на свете! — запер светёлку и ушёл.

Ткёт и день и ночь Марьюшка. Яркие дорожки-ковры под ноги стелются, выются, а жизнь молодая без радости в неволе проходит, без солнышка яркого, без ласки материнской. Много ковров соткала она, а ещё больше слёз пролила. И надумала Марья уйти от купца. А куда уйдёшь, если её в светёлке заперли?

Закручинилась Марьюшка да вспомнила о сие заветном. Вынула платочек шёлка алого, полюбовалась им, да и кинула впереди себя. И что же? Легла перед ней цветная дорожка. Встала Марья на ту дорожку, а она обернулась птицей да и вынесла Марьюшку в оконце светёлки. Ночь была тёмная, свежим ветром лицо Марьи овеяло. Полетела она над сонным городом, над притихшими слободками, над полями да лесами. И опустилась птица-дорожка на лесную поляну, опять платочком свилась и в ладонь Марьюшки прыгнула.

Огляделась девица: бор вековой, кругом стоят сосны-великаны, а вдали огонёк между деревьев светится. Пошла она на огонёк. Смотрит: стоит избушка махонькая. Стукнула в оконце тихонько Марьюшка. А оттуда старушечий голос спрашивает:

— Кто это не в пору забрёл?

Девица отвечает:

— Не гневайся, бабушка, это я, девица горемычная, от лихой напасти спасаюсь.

Видит старушка, что само горе к ней постучало, и говорит:

— Входи, касатка! Коль хочешь, то оставайся, живи у меня, а ежели есть к кому уйти, то ночь переночуешь, а потом и в путь-дорогу тронешься...

А куда Марье идти? Приказчик её всё равно к купцу отошлёт.

Поклонилась она старушке:

— Спасибо тебе, бабушка, за привет да ласку материнскую.

Так и осталась жить в лесной избушке. Прожила день, другой. Ходит Марьюшка в лес по грибы, по ягоды. А бабушка ей говорит:

— Что же, девка, чем-то кормиться надобно, без хлебушка не проживёшь! А умеешь что делать?

— Могу ткать, бабушка!

— Хорошо. Садись за ткацкий стан и сотки, что сама задумаешь. Я тебе разноцветной пряжи дам.

Ну, Марьюшка и принялась за дело. Села за ткацкий стан и стала ткать под звонкую песню девичью. Такую соткала дорожку, что ни в сказке сказать, ни пером описать!

Ахнула бабка, посмотрев на её работу:

— Вот ты какая расчудесная мастерица!

На другой день старушка отнесла дорожку на базар. А купец в ту пору по рынку ходил. Увидел дорожку, что бабка продавала, и по расцветке узнал, что это Марьюшкина работа.

«Ну, недалеко девка убежала, — думает, — я её поймаю!» И велел своему слуге за бабкой приглядеть, куда старуха пойдёт.

Продала дорожку бабка, купила хлеба, соли, гостинцев Марьюшке и домой пошла. А слуга купца глаз с неё не спускает. Куда старуха, туда и он. Прибежал к хозяину и говорит: так, мол, и так, пошла старуха в лес, а там из избушки ей навстречу — девушка красивая, не иначе как она дорожку соткала. Осерчал купец. Велел слугам скорей собираться и в лес ехать.

В ночь-полночь примчался купец со слугами к избушке. Стучит:

— Отворяй, старуха! Подать мне мастерицу, что у тебя скрывается!

Заплакала Марьюшка горько:

— Некуда мне, видно, деваться, нет у меня защиты верной! — Да и бросила платочек Зорьки-Заряницы впереди себя. Взвился платочек птицей, подхватил девицу и унёс к Зорьке, в её терем заоблачный.

А терем Зорьки-Заряницы высоко в облаках плавает. Хрустальный, в чудесных огнях, звездами украшенный, и ведут к нему сто сверкающих ступеней.

Опустилась Марья на ступень, прижала к груди платочек заветный и заплакала. Жалко ей земли родимой, зато здесь, в тереме Зорьки, не достигнут её злые вороги.

А навстречу ей Зорька по ступенькам бежит.

— Здравствуй, Марьюшка! — И повела её в терем.

Много у Зорьки забот, а еще больше у её сестры Росы и брата Тумана. Роса каждый вечер на землю спускается, все хлеба, все кусты, каждую травинку поит, а Туман от заморозков цветы и хлеба бережёт.

И осталась Марья в тереме ткать яркие, нарядные ковры да цветные дорожки. Небо украшает, людей радует. Как отгремит гроза, откроет Марьюшка оконце в терему и опустит над землёй дорожку свою семицветную. Глядят люди, радуются да дивятся мастерству ткачихи-радуги.

Михаил РАПОВ

ЁЖИНЬКА И БЕЛОЧКА

Сказка

В дремучем лесу стояла высокая, густая ёлочка. В её дупле белочка сделала себе хороший домик с мягкой постелькой из сухих листочков и тёплого мха.

Вот утром выпрыгнула белочка из своего домика на веточку, смотрит, а внизу, под ёлочкой, роет песок какой-то зверюшка.

Белочка спустилась пониже и спрашивает:

— Скажи, пожалуйста, что ты делаешь?

— Я себе норку рою, — отвечает зверюшка.

— А почему под этой ёлочкой?

— Посмотри сама, какая ёлочка густая, — говорит зверюшка. — Дождь пойдёт — вся вода по веточкам скатится, а под ёлочкой у меня в домике будет сухо.

— Это верно, — отвечает белочка. — Я сама на этой ёлочке живу, и, когда идёт дождь, в моём домике тоже сухо бывает.

— Вот и хорошо! Давай жить добрыми соседями. Как тебя зовут?

— Меня зовут белочка — Золотая шубка. А тебя?

— А меня, — говорит колючий зверюшка, — Ёжинькой.

Так они и познакомились...

Однажды прыгала Золотая шубка с ветки на ветку и увидела внизу грибок. Спустилась она на землю и начала подгрызать у грибка ножку. Хотела его к себе унести и на солнышке высушить, про запас, на зиму. Вдруг кто-то как зашипит:

— Ш-ш-ш! Попала-а-с-сь! Вот я тебя ужа-а-а-лю!

Оглянулась Золотая шубка, а это ядовитая змея-гадюка. Задрожала белочка, а бежать от змеи сил нет. Так и погибла бы. Да откуда ни возьмись выскочил Ёжинька и бросился на змею.

Начали они драться. Змея шипит, на Ёжиньку кидается, но всюду натывается на его колючки. Наконец изловчилась змея и укусила Ёжиньку в нос. А ёжик схватил злую змею и загрыз её.

Смотрит — белочка на веточке сидит и горько плачет.

— О чем ты плачешь, Золотая шубка? — спросил её Ёжинька.

— Как же мне не плакать, — отвечает белочка. — Тебя змея укусила, ты умрёшь теперь.

— Что ты! — улыбнулся Ёжинька. — Мы, ёжики, от змеиного яда не умираем. Но плохо мне будет, захвораю я.

— Сейчас, Ёжинька, я тебе помогу! — крикнула белочка и помчалась, прыгая с ветки на ветку. Скоро-скоро принесла она ему целебной травки. Погрыз травку ёжик и ушёл к себе в норку.

Утром белочка высунулась из домика, глянь — и Ёжинька вылезает.

— Здравствуй, милый! — закричала белочка. — Как ты себя чувствуешь?

— Спасибо тебе за помощь, — отвечал Ёжинька. — Мне уже лучше.

В другой раз ёжик нёс к себе в домик сладкий корешок. Навстречу ему — лиса. Бросил Ёжинька корешок, свернулся клубочком. Лиса вокруг бегаёт, не может ёжика укусить: со всех сторон у него колючки. Лиса и говорит:

— Не хочу я ежа, лучше пойду по своим делам, — и спряталась за соседний куст.

Увидела это Золотая шубка, спустилась на нижние ветки и ну кричать:

— Ёжинька, не разворачивайся! Тебя лиса обманывает.

Только голосок у белочки слабый — не слышит её Ёжинька.

Тут прилетели две сороки, спрашивают:

— Что случилось, белочка?

— Лиса Ёжиньку обманывает, съесть его хочет. Я кричу, а меня не слышно.

Застрекотали сороки:

— Ёжка, Ёжка, Ёжка, та, та, та! Берегись не развернись, лиса тебя обманывает, за кусты прячется! Та, та, та!

Рассердилась лиса на сорок, тявкнула:

— Вам-то что за дело, тараторки? Погодите, попадётся мне на зубы — я вам припомню.

— Ха, ха, ха! — кричат сороки. — Посмотрите, звери добрые! Лиса летать научилась, нас ловить будет! Ха, ха, ха! А нам Ёжиньку жалко! Не дадим лисе его съесть!

Видит лиса — не отстанут сороки, махнула хвостом и пошла своим делом заниматься — мышей ловить. А сороки вослед полетели, стрекочут, хохочут, потешаются.

Слышит Ёжинька — лиса далеко ушла. Развернулся, схватил свой корешок и побежал домой.

Так жили ёжик с белочкой, друг другу помогали — горя не знали.

Но вот беда пришла. Надвинулась синяя туча, засверкала молния, грянул гром, хлынул ливень. Пришлось друзьям в свои домики спрятаться.

Сидит Ёжинька в норке и думает: «Каково-то теперь моей Золотой шубке? Ветер ёлку качает, наверное, у белочки головка закружилась».

А Золотая шубка в своём домике сидит и тоже думает: «Какой ливень хлещет, не затопило бы моего Ёжиньку».

Прошла гроза, выглянуло солнышко. Выпрыгнула белочка на веточку, вылез и Ёжинька.

— Как дела, Золотая шубка, не разболелась ли у тебя головка?

— Что ты, Ёжинька! — смеётся белочка. — Нас всю жизнь ветер на ветках качает. А вот тебя не затопило ли? Дождь сильный был!

— Нет, — отвечает Ёжинька, — вся вода по ёлочке с веточки на веточку скатилась, всё вокруг залило, а у меня в домике сухо.

Но вот наступила осень. Однажды смотрит белочка, а по земле комок жёлтых листьев бежит. Что такое? Испугалась белочка, а пригляделась и засмеялась. Это

Ёжинька покатался в опавших листочках, они ему на иголки и накололись.

— Ёжинька, — кричит белочка, — я тебя и не узнала. Ты, я вижу, листочками на зиму запасаясь?

— Запасаясь, — отвечает Ёжинька, — чтобы в домике теплее было. Да и тебя, белочка, не узнать — ты золотую шубку на серебряную сменила.

— Эта гуще, теплее, — отвечает белочка.

— Ну, прощай, — сказал Ёжинька. — Снега да морозы уже недалеко — лягу я в своём домике и всю зиму просплю.

— Да что ты, Ёжинька! — удивилась белочка. — Я тоже люблю зимой поспать, когда лютые морозы трещат, но и побегать люблю, шишечки пошелушить, чтобы семечки из них добыть. Они вкусные, маслянистые.

— Нет, — говорит Ёжинька, — это не по мне. У тебя вон какая шуба тёплая, а у меня колючки, они не греют.

Пришла зима, белочка в своём домике сидит, орешки грызет, сушеными грибками закусывает, которые ещё летом припасла. А то выскочит наружу по веточкам попрыгать, и тут она непременно посмотрит вниз, где на Ёжинькин домик целый сугроб намело. Вздохнёт и подумает: «Как-то мой Ёжинька спит?»

ЩЕКОТА И ДРЕМОТА

Сказка

Пролетала над нашим двором сорока, да перо с хвоста и обронила. Перо не простое: чёрное, с изумрудным отливом, с синим отблеском. Тем пером и сказка эта писана.

Давным-давно в одной деревне, в крестьянской избе, под дубовой лавкой жили-были Щекота и Дремота. Никто и никогда их не видел, потому что прятались они в уютном гамачке, который сплёл для них паучок-крестовичок. Были они крошечные, вот их и не замечали. А под лавку, между прочим, хозяйкина тряпка не заглядывала. Не знала, что там Щекота и Дремота укрываются.

Хозяина той избы звали Стёпа Радостный, а хозяйку — Маша Простота. Непоседливой Щекоте Стёпа по душе пришёлся. Она ведь затейница большая была. Утром раньше всех проснётся и давай верхом на солнечном зайчике кататься. А потом заберётся на кровать, где хозяева спят, и начнет Стёпе под носом щекотать. Тот морщится, чихнёт, проснётся, рассмеётся — и весь день весёлый ходит, песни поёт. Что ни дело, то новая песня. Глядишь, к вечеру всё прибрано, словно не один, а вдвоём работали.

Дремота — известная лентяйка. Лишний шаг боится сделать, ходит вперевалочку, в своих волосах путается. Любит, где потише до потеплей. И нашла. Под боком у Маши Простоты. Опутает руки ей волосами, глаза пеленой застелет — не одолеешь. Бывало, Стёпа спросит Машу, мол, не болеет ли. А Маша только головой качает да носом клюёт день-деньской. Дела у неё из рук валяются, ходит-запинается и чуть что — скорей на кровать ложится.

Так они жили и осень, и зиму, и весну. И вот пришла пора скот выгонять на пастбище да хлеб сеять.

Ранним утром опять разбудила Стёпу Щекота. Тот даже рассмеялся от радости — утро стояло весёлое, тихое, тёплое. Наелся хлеба с молоком, накинул кафтан — и за дверь. И Щекота за ним, за рукав уцепилась. Весело обоим. Стёпа так по работе соскучился, что один на лесной опушке

кусты выкорчевал, поле выравниал, вспахал и засеял. Это Щекота его подзадоривала, а то бы с работой он и за неделю не управился.

Устали в этот раз, как никогда не уставали. Едва пришли домой, так и спать завалились. А Дремоте только того и надо было. Забралась на кровать, не вдоль, а поперёк улеглась. Спит Степан, спит Маша Простота, спит Щекота, спят и беды не чувствуют. А Дремота всех опутала своими волосами, и чем дольше спят все, тем она тяжелее становится. Сладкий сон, да обманный. Так ведь и жизнь проспать можно.

Щекота с краю лежала, повернулась разок да на пол и упала. Проснулась, глаза протёрла и руками всплеснула. Глядит: изба паутиной заросла, окна пылью забило, ни один солнечный зайчик не проскочит. Протерла Щекота окно и пуще прежнего забеспокоилась. В поле хлеба не видно, одни злые сорняки стеной стоят. Вот что вредная Дремота наделала!

Хоть Щекота душой и добрая была, но тут схватила веник и давай Дремоту стегать. Что скрывать, тут и Степану с Машей досталось. Переполох в доме сделался, какого и в сказках не бывает. Шутка ли — веник хозяев березовой кашей угощает!

Только шмыгнула Дремота под лавку, Стёпа и Маша очнулись. Стёпа скорей в поле побежал с сорняками воевать, а Маша встала весёлая и так ретиво взялась за уборку, что Дремота не знала, куда ей и деваться. Нашли её веник с тряпкой и под лавкой, и за печкой. Только её и видели! Щекоте хорошо, да и Стёпа на свою Машу никак не на радуется. Такая она оказалась рукодельница, такая мастерица. В доме станет убираться — стены да пол как огнём горят. Косить пойдёт — семь мужиков не угонятся. Вышивать сядет — петухи с полотенец песни поют, цветы, как живые, пахнут.

Так жили они и лето, и осень. Всё у них было хорошо, и пшеница на славу уродилась. А когда собрали урожай и стала Маша хлеб печь, пришёл к ним в гости старый печник. Поклонился с порога, всем доброго здоровья пожелал.

Посадили его хозяева за стол, попросили каравай всем по совести, по чести разделить.

Первый ломоть он Стёпе подал.

— Ты, — говорит, — первый на деревне работник. Пусть у тебя душа будет широка, как поле, песни звонкие, как весенний ручей. Оставайся таким, и тебя никогда не догонит усталость.

Второй ломоть Маше отрезал.

— И ты свой хлеб заработала, хозяйшюка. Только, чур, наперёд с Дремотой не связывайся, от неё все напасти.

И себя не забыл. Ему ведь ещё много печек надо было сложить, чтобы в каждом доме тепло с радостью уживались.

Посадил Щекоту на ладонь и ей отщипнул крошечку.

— Вот, — говорит, — добрым людям помощница. Вам её оставить или теперь сами управитесь?

— Управимся, — отвечали Степан и Маша. — Отнеси её туда, где люди от безделья места не находят, ленью болеют. Она их живо на ноги поднимет.

Пётр ДУДОЧКИН

ПОЧЕМУ ХОРОШО НА СВЕТЕ

Сказка

Молодой Скворушка научился летать. Облетел весь сад, сел на макушку самой высокой берёзы и защёлкал, засвистал:

— Почему так мир красив? Почему я так счастлив?

Тёплое Солнышко выглянуло из-за тучи, ласково улыбнулось:

— Потому, что все мы делаем что-нибудь хорошее.

— Солнышко, а ты что делаешь хорошего?

— Свет и тепло несу, — ответило Солнышко.

Скворушка ещё не сделал ничего хорошего, ему стало стыдно, и он спрятался от Солнышка в тени ветвей. Смотрит, прилетела большая пёстрая птица в красной шапочке на затылке, села на ствол берёзы и принялась долбить кору.

Скворушка поправил клювом пёрышки, осмотрелся и вновь защёлкал, засвистал:

— Почему так мир красив? Почему я так счастлив?

— Потому, — ответила пёстрая птица, — что все мы делаем что-нибудь хорошее.

— А как тебя зовут и что ты делаешь хорошего? — поинтересовался Скворушка.

— Я Дятел. Меня прозвали лесным санитаром за то, что поедаю короедов и спасаю деревья, — гордо ответила пёстрая птица и поинтересовалась: — А ты чем занимаешься?

Застыдившись, Скворушка спрятался под куст жасмина. Жасмин цветёт, благоухает. Хорошо! Ну, как тут утерпишь, чтобы не защёлкать, не засвистать? И снова полилась песня:

— Почему так мир красив? Почему я так счастлив?

Тут Дождевой Червяк вылез из земли и тоненьким голоском пропищал:

— Потому, что все мы делаем что-нибудь хорошее.

Скворушка расхохотался:

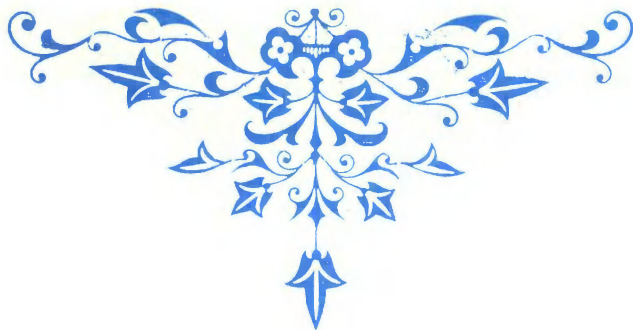
— Неужели даже ты, маленький Червяк, умеешь делать хорошее?

— Конечно! — обиделся Червяк. — Я землю разрыхляю, чтобы лучше поднимались всходы. А ты?

Нечего Скворушке ответить. Вновь взлетел он на березу и осмотрелся. А вокруг до того красиво и привольно, что не выдержал он и запел, то затихая на мгновение, то заливаясь на все лады. Люди в саду, затаив дыхание, слушали и восторгались:

— Как хорошо поёт!

Скворушка услышал похвалу и подумал: «Значит, и я хорошее делаю, раз моя песенка нравится?» Он перевёл немножко дух, склевал гусеницу, точившую лист, и снова защёлкал, засвистал на радость всем.

ПОСЛОВИЦА
НЕ ДАРОМ МОЛВИТСЯ

ПОСЛОВИЦЫ

Труд кормит, а лень — портит.
(Русская.)

Человека узнают не по речам, а по делам.
(Чувашская.)

Чужими руками крапиву не дёргай.
(Кабардинская.)

Нужно наклониться, чтобы из ручья воды напиться.
(Украинская.)

Работай боле, тебя и помнить будут доле.
(Карельская.)

Работа сердце веселит.
(Марийская.)

Одна пчела много мёду не принесёт.
(Чувашская.)

Хороший кузнец и лягушку подкуёт.
(Литовская.)

Не учась, и лаптя не сплетёшь.
(Русская.)

Мала пчела, да и та работает.
(Русская.)

За один раз дерева не срубишь.
(Русская.)

Гуляй, да работу знай.
(Белорусская.)

За всё браться — ничего не сделать.
(Русская.)

И готово, да бестолково.
(Русская.)

Лодырь да бездельник — им праздник и в понедельник.
(Русская.)

Скучен день до вечера, коли делать нечего.
(Русская.)

Хочешь узнать, кто ленив, — пошли на полив.
(Туркменская.)

Не спеши языком, торопись делом.
(Русская.)

У ленивой пряжи и для себя нет рубахи.
(Русская.)

Не котёл варит, а стряпуха.
(Русская.)

Из одной мучки, да не одни ручки.
(Русская.)

Не трудясь, не найдёшь счастья; не посеяв, не соберёшь
урожая.
(Узбекская.)

Хорошая работа два века живёт.
(Русская.)

Учение — путь к умению.
(Русская.)

Работа страшна глазам, а не рукам.
(Чуваишская.)

С умом больше сделаешь, чем одной силой.
(Латышская.)

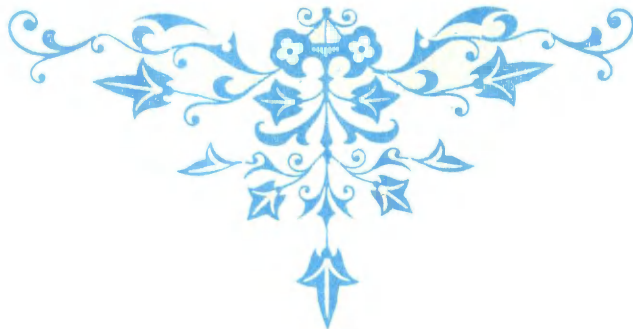
Откладывай безделье, да не откладывай дела.
(Русская.)

Что сделано сегодня, о том не надо заботиться завтра.
(Эстонская.)

Спустя лето в лес по малину не ходят.
(Русская.)

За всё берётся, да не всё удаётся.
(Русская.)

Неоконченное дело снегом занесёт.
(Туркменская.)

СОДЕРЖАНИЕ

УМЕЛЫЕ РУКИ — НЕ ЗНАЮТ СКУКИ

Стихи

А г н и я Б а р т о. Книжки под дождём. Рукодельница. Приходите мне помочь	6
Е л е н а Б л а г и н и н а. Не мешайте мне трудиться. Я дома не люблю сидеть. Снегурка	9
Ю р и й Е ф р е м о в. О вещах	11
В я ч е с л а в С м и р н о в. Вдохновение. В вежливой форме ...	12
А л е к с е й Ш л ы г и н. Важный пакет. Про Мишку, который забыл сказать спасибо	13
Н и к о л а й В о р о н и н. Будущая доярка. Мы на сенокосе. Учусь у брата	15
И г о р ь М а р т ь я н о в. Чей папа самый сильный? Мой дед ..	16
В и т а л и й К о д р я н. На речку	17
В л а д и м и р С о к о л. Утро. Молоток и пила	18
В л а д и м и р К о л а б у х и н. Плакса	19
А л е к с е й Ч а с о в. Помогаю	19
Е в г е н и й Г л о т о в. Учительница	20
А л е к с а н д р Б а д а ш к и н. До встречи, лето	20
П а в е л Г о л о с о в. На лесосеке	21
В я ч е с л а в Ш а п о ш н и к о в. О лунных морях	21

ДЕРЕВО ДОРОГО ПЛОДАМИ, А ЧЕЛОВЕК — ДЕЛАМИ

Рассказы и сказки

В а л е н т и н а О с е е в а. Сыновья. Плохо. Хорошее. (<i>Рассказы.</i>)	24
Н и к о л а й Б о г д а н о в. Хитрый лентяй. (<i>Рассказ.</i>)	26
В и т а л и й П а ш и н. Фаинка и Мишутка. (<i>Рассказ.</i>)	33
В а с и л и й Б о ч а р н и к о в. Катин куст. (<i>Рассказ.</i>)	39
Е ф р е м Т и м о ш е н к о. Ёлочки-метёлочки. (<i>Рассказ.</i>)	40
Б о р и с К о с т и н. Три лопаты. Я сам. (<i>Рассказы.</i>) Самое главное. (<i>Сказка.</i>)	43
Л ю д м и л а П и р о г о в а. Ткачиха-радуга. (<i>Сказка.</i>)	53
М и х а и л Р а п о в. Ёжинька и Белочка. (<i>Сказка.</i>)	58
Ю р и й Б е л я е в. Щекота и Дремота. (<i>Сказка.</i>)	63
П е т р Д у д о ч к и н. Почему хорошо на свете. (<i>Сказка.</i>)	65

ПОСЛОВИЦА НЕДАРОМ МОЛВИТСЯ

Пословицы	68
-----------------	----

20 коп

ЯРОСЛАВЛЬ
ВЕРХНЕ-ВОЛЖСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1985